

Ю Н Ы И
НАТУРАЛИСТ 76 6

**ЖДЕТ ЗЕМЛЯ ЗАБОТЫ И УХОДА,
НАШИХ РУК САДЫ И ФЕРМЫ ЖДУТ**

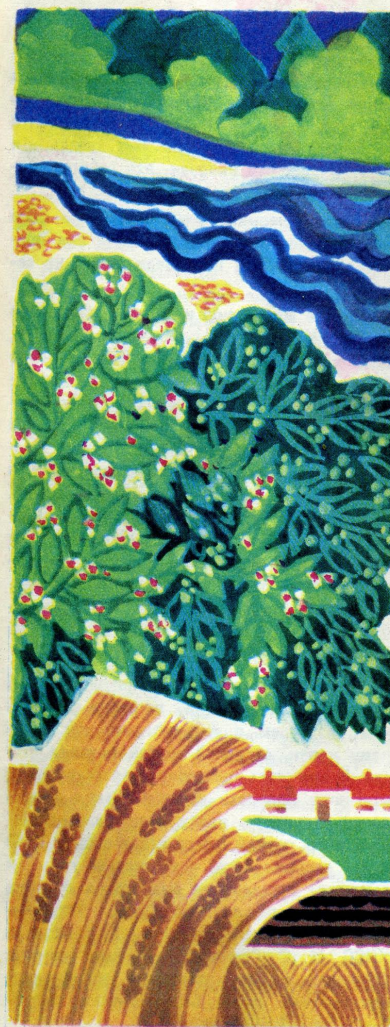
ГОРНЫ ЗОВУТ В ПОХОД

Он навсегда войдет в историю советской пионерии, тот день 26 февраля, когда зазвучала во Дворце съездов серебряная песнь горнов — сигнал юным ленинцам о сдаче рапорта делегатам XXV съезда КПСС. В коротких стихотворных строках пионерского рапорта вместились многое. Они рассказали о делах, помыслах и успехах пионеров и школьников страны, о тех трудовых подарках, которые приготовила съезду многомиллионная армия юных ленинцев. Весомы, значительны эти подарки — ведь в них труд каждого пионерского звена, отряда, города, республики. Пионерской клятвой верности Родине, партии стал этот рапорт о трудовых делах.

Ждет земля заботы и ухода,
Наших рук сады и фермы ждут...
Рады мы, когда в дела народа
Ручейком вливается наш труд.

Эти проникновенные строки — подтверждение неразрывной связи поколений, верности 25-миллионной армии юных ленинцев славным трудовым традициям отцов и старших братьев, коммунистов и комсомольцев. В них благородное стремление советской пионерии каждый день, каждый час своим посильным трудом помогать взрослым, крепить могущество родной Отчизны.

Как бы ни малы были эти животворные ручейки, сливаясь, дают они начало полноводной реке трудовых пионерских дел. Она вместила в себя и сотни новых тракторов, построенных из металла, собранного ребятами, и многопудовые урожаи школь-

ГОНЫ И НАТУРАЛИСТ 76 **6**

Научно-популярный журнал
ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета
Бессозонной пионерской
организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году.

ных полей, и новые пионерские сады и леса, вставшие на нашей земле. Словом, полноводная река эта вобрала в себя все дела пионеров и школьников страны, идущих маршрутами Всесоюзного пионерского марша «Берем с коммунистов пример!».

«Пионерстрой». По праву считается он одним из ударных маршрутов марша. И тропы его пролегли сегодня в пионерское лето, в пятую трудовую четверть первого года десятой пятилетки. Туда зовет призывная песнь серебряных горных тех, кто приходит полными хозяевами в свои лесничество, на поля колхозов и совхозов, в зеленые лаборатории ученых. И отраднo, что сегодняшняя трудовая четверть набирает темпы, приносит первые плоды.

Солнцево. Такое звучное имя носит подмосковный поселок. Бегут мимо электрички, дарят веселые солнечные зайчики окнам домов. Недалог путь от платформы до солнцевской средней школы № 3. Нарядный светлый дом ее на виду, у самой железной дороги. Кончились экзамены. И рано утром, когда солнце играет в окнах верхнего этажа, собирается во дворе школы сводный пионерский отряд. Не первый год выезжают ребята из 3-й школы на поля госплемсовхоза «Коммунарка». Всю пятую четверть трудятся они там.

Полевой стан их разбит на берегу Десны. Хорошо утром сбегать к прохладной воде и плескаться, плескаться ее в лицо, прогоняя остатки сна. Но вот уже звучит сигнал горна, зовет ребят в поле, на плантации кормовой свеклы. Одиннадцать гектаров обрабатывают школьники. Площадь солидная, успевай только, не ленись. Ничего, что гудит после прополки спина, наливаются свинцом руки, зато как приятно, возвратившись на полевой стан, мерить саженками теплые воды Десны или, перевернувшись на спину, долго смотреть в высокое небо и следить за причудливыми куртинами облаков.

У ребят все как во взрослых бригадах. Есть свои учетчики и звеньевые. На стенде возле столовой висит интересный табель. Против фамилий сверкают здесь раз-

ноцветные квадратики. Каждый цвет — символ, оценка труда. Красный — хорошо, зеленый — удовлетворительно, ну а синий — большая редкость, потому что тех, кто не справляется с нормой, почти не бывает. Взглянешь на этот табель, и сразу видно, кто впереди, кто работал лучше, у кого больше красного цвета.

Володя Обернин, Люба Елсупова, Лена Кузьмина были правофланговыми при прополке свеклы. Не подкачали они и на снокоесе.

До чего же хороша и задорна эта летняя страда! У нее свои солнечные краски, свои неповторимые запахи. Луга в пойме Десны принарядились в зеленые сарафаны. Да разве в зеленые? Они яркие, пестрые, в красный горошек. Это клевер расцвел луговину. Вовсю стрекочут кузнечики, заливается вверху жаворонок, и солнце будто радо сенокосной веселой поре. Как-то и не хочется даже рушить такой красивый луг. Но вот пошли в ход сенокосилки, подминая, укладывая волнами траву, а потом высыпали на луг девочки в цветастых косынках. Идут, воршат сваленную траву, только блестят на солнце полированные ручки граблей.

До чего же хороша эта летняя страда! Запахом свежего сена, луговым бескрайним раздольем с аккуратными курганчиками копен, отраднoй суетой метания стогов. И как жаль, что кончается твоя смена, что пора покидать обжитой лагерь, передавать трудовую вахту своим однокашникам, сверстникам, когда стоят еще во всей красе дальние луга. Зато сколько гордости вызывает прощальная пионерская линейка с рапортом школьников Герлю Социалистического Труда, делегату XXV съезда КПСС М. С. Громовой. И как приятно услышать от нее, передовой доярки госплемсовхоза, слова благодарности за помощь, за добрый труд.

Тем еще хороша пятая четверть, что позволяет познать радость труда вместе со старшими, умелыми мастерами своего дела. А в такой совместной работе и раскрываются юным изначальные секреты мастерства, приходит первый интерес к

земледельческим профессиям. И еще тем хорошо пионерское лето, что зачерчивает скромным величием простых с виду людей, тружеников десятой пятилетки.

Разве забудешь дни, проведенные помощником штурвального, если ты убирал урожай, обмолачивал хлеба со знатным комбайнером колхоза или совхоза? Вот уж где прибавилось тебе и умения, и сноровки, и опыта!

Надолго запомнятся часы, проведенные в лесничестве с человеком, знающим все тайны зеленого друга. Какой значимый урок доброты и мысли преподал он тебе за короткую смену трудового лета!

Не раз вернешься потом в памяти ко времени, когда работал под руководством сотрудников научно-исследовательских институтов, селекционеров, опытников сельского хозяйства. Сколько секретов земли открылось тебе, какой интересный мир неустанный поиска распахнулся перед тобой!

Пионерское трудовое лето. Неизбримы его горизонты. Не счесть всех троп, которые проложили юные сквозь его просторы. Около 10 миллионов школьников будут трудиться в ученических производственных бригадах, в школьных лесничествах, лагерях труда и отдыха, отрядах по благоустройству и озеленению городов и поселков, в голубых и зеленых патрулях. Ими будет выполнено работ на сумму, исчисляющуюся сотнями миллионов рублей.

Тропы трудового лета поведут юных агрохимиков Василевической школы Белоруссии к раскрытию тайны благодатных «меню» для полей ученической производственной бригады. Снова будут искать ребята такую комбинацию минеральных подкормок, которая позволит выращивать в Гомельской области подсолнечник, дыни и арбузы.

Юные садоводы украинского села Илеево отправятся в яблоневые сады, что широко раскинулись вокруг. Это не случайно, ведь Илеево — родина знаменитого селекционера Льва Платоновича Симиренко. Каждый год радуют здешние сады обильным урожаем. Тут требуется взрослым по-

мощь школьников, тут нужны их умение и старание для посадки молодых плодовых деревьев.

Что ни тропа, то радость труда, открытие нового, неизведанного. Как, например, у юннатов Чехийской школы Литвы. Не первый год облучают они разными дозами гамма-лучей семена моркови. Где он, тот оптимальный вариант, который даст значительную прибавку урожая? Ответ на этот вопрос принесет юннатам пятая трудовая четверть.

Летняя тропа пионеров Тарановской школы Кустанайской области пролегла на берег реки Аят, в лагерь «Светлячок». Не простой это лагерь, а спутник ученической производственной бригады их школы. Старшеклассники на огромном поле, почти в 1500 гектаров, растят хлеб казахстанской целины. И во многом успех юных земледельцев будет зависеть от труда пионеров «Светлячка».

Трудовое лето. Миллионам школьников страны принесет оно осознание своей причастности к славным свершениям советского народа в первом году десятой пятилетки. Горны позвали в дорогу! Серебряные горны, под звуки которых приветствовали XXV съезд КПСС пионеры страны.

Достоинной сменой старшим быть
Клянемся!

Такую клятву дали они Родине, партии, коммунизму. И первые вести с необозримых просторов трудового пионерского лета доказывают, что юные ленинцы страны верны своей клятве.

Рис. Н. Кутилова

в воду и «ожил»? Что за ерунда! Ах, так говорят... Ну, это еще ничего! Что? Впивается в кожу? А ну, поддедим его на палочку и посмотрим, какой он. Прежде всего правильное название этого животного из класса круглых червей — волосатик. Смотри, какой он скользкий. А вот передний конец его тела. Да не бойся ты, смотри, у волосатика нет ни глаз, ни рта, он и не питается вовсе, только плавает по мелководью и не впивается ни во что, ему нечем впиваться-то! Конечно, мало приятного, если во время купания такой «волос» обобьется вокруг ноги, но и бояться мирного животного тоже ни к чему. Отпустим и волосатика, пусть плавает. Ведь его личинки, развиваясь внутри многих водных насекомых, приносит пользу людям.

Ящерица.

А вот еще интересное. Смотри, на листьях рдеста кто-то оставил извилистый рисунок. Сорвем листик и посмотрим. Начинается этот рисунок тонкой нитью, которая постепенно утолщается, вернее расширяется, и просматривается с обеих сторон листа. Значит, повреждена его внутренняя часть. Вскроем-ка верхнюю пленку, заглянем в полость листа. Там ничего нет, кроме черных комочков испражнений. А вот и сама гусеница извивается, попав на свет! Это гусеница, значит, будущая бабочка. Вернее всего какая-то огневка, серебристобелая бабочка с бурими краями на крыльях. Ты часто видел их порхающими над водными растениями.

Такую разрисовку листьев называют минами, а самих насекомых минирующими.

Птенец-слеток дрозда.

Это либо мушки, либо мелкие бабочки. Каждому виду минирующего насекомого присущ свой силуэт мины или рисунок на поверхности листа. Легко узнается по мине на листьях сирени вредитель ее, сиреневая моль, на листьях тополей — тополевая моль-пестрянка, на листьях дуба — извилисто-угловатые мины моли-малютки или широкие пятна мин одноцветной моли.

А вот и стрекозы появились! Смотри, как они сидят на стеблях трав или на побегах куста: крылышки переливаются всеми цветами радуги. Стрекозы держат их либо горизонтально, прогревают, либо чуть приподнято. Ты, конечно, видел стрекоз и раньше, когда они летали, охотясь на комаров, мух, оводов и прочую мелкую воздушную живность, назойливую и докучливую. Стрекозы — хищники в мире насеко-

мых и кормятся вредными для людей видами. Развиваются стрекозы в воде, из яиц, просто сброшенных в воду или, как у некоторых видов стрекоз, прикрепленных к стеблям растений, для чего взрослая стрекоза спускается сама по стеблю под воду. Личинка, как и взрослое насекомое, тоже хищник, питается живой добычей. А так как в воде не развить той скорости, с какой стрекоза ловит свою добычу в воздухе, то личинки приспособились ловить свою добычу по-иному. Для этого у них имеется замечательное приспособление, носящее название «маска». Это нижняя губа личинки, которая имеет вид хватательных щипцов, сидящих на длинном рычаге-рукоятке. Рычаг этот снабжен шарнирным устройством, поэтому вся маска может складываться и при ожидании добычи прикрывать

нижнюю часть головы, маскируя ее. Заметив добычу своими выпуклыми глазами, личинка, не двигаясь с места, молниеносно выбрасывает свою маску далеко вперед и схватывает добычу с большой быстротой и точностью. Пойманное насекомое поедается сразу же при помощи сильных грызущих челюстей, а маска в это время подносит жертву ко рту и удерживает ее во время еды наподобие руки.

Однако задержались мы с тобою у озера — столько в нем, даже у самого берега, интересно! А пока умывались, солнце поднялось над лесом. Туристы в это время только начинают завтракать и пропускают самое интересное: все животные в природе наиболее деятельны именно утром! Мы с тобою поступим по-другому: покинем озеро, а уж потом где-нибудь на открытом месте, на отмели, устроимся, разложим костер и позавтракаем!

Стоит! Что ты такое поймал, нагнувшись? Красный жук?! Ну-ка отпусти его. Смотри, как он бежит интересно: зигзагами, это оттого, что у него правые ноги работают не согласованно с левыми. Почему так, никто еще не узнал, попробуй сам разгадать истинное назначение зигзагообразного движения жука. Кстати, он называется красотелом. Их, красотелов, несколько видов, крупных и мелких. Мы видели большого красотела, он бегаёт и по почве, и по листьям, и ветвям деревьев, хватая гусениц, большей частью вредных. Поймав, придерживает добычу лапками, прокусывает в шкурке гусеницы отверстие и впрыскивает внутрь ее особую кислоту, которая почти мгновенно растворяет внутренние органы гусеницы. Эту смесь красотел всасывает. Шкурка гусеницы цела, а внутри ее пусто, все высосал красотел и побежал за новой добычей. Никогда не лови насекомых только потому, что они красивы. Иные люди часто вылавливают красотелов, не думая о том, что, поймав одного жука, они спасают жизнь сотням вредных гусениц.

Пошли дальше. Что ты еще нашел? Следы? Что это за следы? Следы деятельности животного, а не его ног. Что же здесь произошло, по-твоему? Кто-то воткнул сухой лист в почву, в какую-то дырку?! А смотри-ка, лист зашевелился, и явно его кто-то тянет в почву! Вот лист совсем исчез. Кто же его утащил туда? Копнем лопаткой? Не стоит! Лучше посмотри на поверхность тропки, по которой мы идем. Вот тут есть отверстие в почве толщиной с карандаш, а вот еще такое же! Это норки дождевых червей, через них черви выходят на поверхность. Догадался, зачем? Конечно, за старыми листьями, которыми дождевые черви кормятся, превращая органические остатки леса в питательную почву. А по-

чему этих червей называют дождевыми? Понаблюдай: они иногда массами выходят на поверхность почвы. Одни натуралисты говорят, что черви выходят до дождя, предчувствуя его, другие же утверждают, что черви покидают свои норки, когда те уже залиты дождевой водой, и ничего не чувствуют до дождя! Найди истину и попробуй дать ей толковое объяснение.

Что это ты опять остановился и что-то рассматриваешь? А, серенькую птичку, прыгающую по краю зарослей кустарников. Явно у нее там гнездышко, но мы не станем рассматривать его. Обрати внимание вон на ту серую ворону, что все время перелетает за нами с дерева на дерево. Видно, эта ворона знает, что вслед за человеком надо лететь, всегда чем-нибудь поживиться можно, о чем мы даже и не подозреваем! Запомни, за человеком в лесу или в поле, вообще в природе следит много глаз. И глаза эти принадлежат не только встревоженным нами птицам или затанцующим в кустах мирным зверькам: есть глаза и у голодных хищников! Достаточно человеку остановиться, чтобы что-то рассмотреть (гнездо птицы, только что покинувшего гнездо птенца или греющуюся на солнце ящерицу), как хищник тоже нацеливается на подходящую добычу, которую он без тебя, может быть, и не заметил бы. Бывает, что ты даже не остановился и прошел мимо животного, только напугав его своим присутствием, но и это уже может повлечь за собою гибель животного.

Случается так: вспугнет человек выводок, скажем, рябчиков, птенцы-поршки кинутся кто куда от матери, затаятся. Человек и сам не рад, что нарушил спокойствие семьи птиц и старается скорее уйти от этого места, а самочка-рябушка начнет созывать птенцов да и недосчитается всех, обязательно кто-то из них пропадет то ли в когтях ястреба, то ли в зубах лисы! Потом еще кто-то вспугнет выводок, опять кинутся птенцы врассыпную и опять на призыв матери прибегают не все из оставшихся после первого переполоха птенцы, кое-кого перехватят в пути хищники. И получается, что никто вреда не хотел приносить птицам, а выводка не стало! Называется такое нежелательное воздействие на диких животных со стороны ли человека, со стороны ли мирных диких животных, фактором беспокойства, и о последствиях этого фактора надо всегда помнить. Особенно в период размножения животных!

Многие считают, что фотоохота — это «бескровная охота». На самом деле, чуть замешкайся фотограф у гнезда или у сидящего на ветке слетка-птенца, приложивая аппарат, как фактор беспокойства тут как тут вступает в действие со всеми не-

желательными последствиями для живых существ!

Вот и отмель с чистым плесом, ворона от нас как будто отстала, но кричат теперь над нами крачки. Мы для них фактор беспокойства. Давай-ка остановимся здесь.

Немного мы прошли вдоль лесного озера, а сколько увидели, сколько узнали о жизни прибрежных и водных обитателей. И не забудь еще про одно обстоятельство нашего похода: мы никого не обидели, не раздавили, не поймали «насовсем» (кого ловили, потом отпускали, пусть живет своей жизнью)! По-моему, у тебя где-то был желтый сачок для насекомых на палке? Ах, ты забыл его на месте ночлега! Не ходи за ним, сачок в руках неразумного человека — «младший брат» рогатки. Зачем ты вообще-то взял сачок в поход? Учительница дала задание наловить в канюку насекомых для коллекции? Ну, коллекция можно сделать разные. Можно, например, пробыть несколько часов в огороде и отлавливать бабочек-белянок, гусеницы которых портят листья и кочаны капусты, ботву огородных растений. Они и называются-то капустницей, репницей, бруквеницей! А когда станешь выполнять задание, обрати внимание, что среди бабочек одного вида ты не найдешь двух совершенно оди-

наковых: кто-то из них будет покрупней, у кого-то посветлее ободок на крыльях, у кого-то пошире пятнышко... Собрать такую серию бабочек-вредителей не менее интересно и нужно, чем собрать разных насекомых, большинство из которых могут оказаться полезными! Вот и выполнишь задание учительницы, не уходя далеко в лес, около дома!

Ничего не надо трогать или ловить в природе. Из малого складывается большое. Привыкнув беречь все полезное вокруг себя, ты не причинишь никогда вреда природе, научишься оберегать все, что полезно для Родины, и чувствовать себя ответственным за все живое на земле: за минералы, недра, воду, растения, за животных, за чистый воздух. И все равно, кем бы ты ни стал потом: ботаником ли, зоологом ли, инженером или артистом, химиком или металлургом, шахтером или космонавтом, военным или земледельцем, — ты станешь верным сыном нашей родной природы, а значит, и верным сыном Отчизны.

В. Строков,
кандидат биологических наук

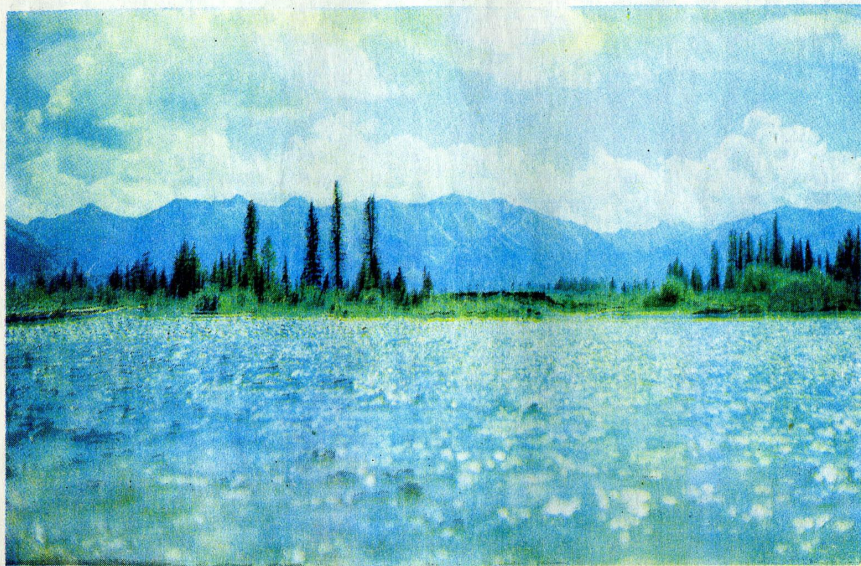
Фото В. Гуменюка,
Р. Воронова и В. Сабодаш

Стрекоза красотка.

СТРАНА СОРОКА ЕНИСЕЕВ

Кызыл-Хем, Тоора-Хем, Баш-Хем... Хем — это по-тувински Енисей. Сколько же их здесь, этих Енисеев! Двадцать? Тридцать? А может быть, все сорок? Трудно сказать: уж очень много в Саянах Тувы рек и ручьев, в названии которых присутствует слово «хем». Сливаясь в единый мощный поток, они образуют величайшую реку Сибири, почтительно именуемую в русском народе Енисеем-батюшкой. На этой могучей реке ныне творятся истинно дивные дела, идет кипучая, буйная жизнь, какую предвидел еще в конце прошлого века В. И. Ленин. Советским народом уже дважды перекрыто течение этой реки. В полную силу работает Красноярская ГЭС, по решению XXV съезда КПСС в десятой пятилетке должна вступить в строй самая крупная в мире Саяно-Шушенская ГЭС мощностью 6,4 миллиона киловатт. По берегам реки-богатяры один за другим рождаются новые города с различными крупнейшими в Советском Союзе заводами.

Енисей — это великая транспортная артерия, по которой неиссякаемо в неисчислимом количестве плывут с юга на север грузы и в первую очередь лес. Из огромного международного порта Игарка уходят суда, груженные сосной, лиственницей, елью, кедром, во все части земного шара. Енисей-батюшка служит всему человечеству. Откуда же берет он свое начало? С малых и маленьких Енисеев — Хемов, пересчитать которые очень трудно. Еще труднее обойти все Хемы.

Впрочем, чтобы получить представление об истоках Енисея, и не надо вовсе обходить их непременно все. Достаточно пройти по одному — например по Ка-Хему, то есть Малому Енисею. И не по всему его течению, а хотя бы по его десятой части.

Уже вторую неделю мы, выйдя из Ужыпа, тащимся по таежной глухомани малоенисейского распада, оставляя позади себя тяжелые километры бездорожья и зве-

риных троп, пересеченные десятками ручьев, речек и рек, впадающих в Малый Енисей. Нас четверо: исконный таежник Фотей Потылицын из Ужыпа, охотовед Олег Иванович, заядлый путешественник и краевед Вадим Васильевич и я. Путь наш лежит к подножию гигантской горы — Мунку-Сасан, на западном склоне которой зачинается Белин — одно из полноводнейших (после Балыктыг-Хема) начал Малого Енисея у нас в СССР. Как рождается Белин и где именно — этого точно никто из нас не знает. А потому приход наш на его исток видится нам как бы открытием чего-то необыкновенного и значительного, ради чего ничуть не жаль помучить свои ноги и тело в изнурительной ходьбе по горной тайге. С совершенно безоблачного лазурного неба целыми днями льется столько яростного солнечного света и жара, что от них плавится смола на деревьях и вянут травы. Воздух, прогретый в тени до сорока градусов, влажен и осязаем густ от множества удушливых испарений. Бредешь тайгой, а тебе кажется, что находишься в бане. Пот разъедает все тело и щиплет глаза. Постоянно хочется пить и пить и неодолимо тянет искупаться, чего сделать никак нельзя: вода и в Малом Енисее, и в его притоках — расплавленный лед. С нетерпением ждешь вечера и в то же время боишься его, потому что за ним обязательно наступит ночь, а она в ка-хемских горах так прохладна, что даже у жаркого костра приходится спать в ватнике и сапогах... Да, очень нелегко путешествовать по дешнему краю. Однако у нашего маленького отряда нет даже малейшего желания повернуть назад, так как трудности похода в полную меру окупаются и возмещаются тем, что ка-хемская природа каждодневно и ежедневно преподносит нам что-нибудь новое и интересное. А это, собственно, главное, во имя чего мы и затеяли наше путешествие.

Взять хотя бы реку. Дик, злобен и прекрасен в своей ярости старик Ка-Хем, стиснутый справа величавыми нагромождениями хребта Академника Обручева, а слева — отрогами могучей каменной гряды Сангилен. Своенравен — гремит и кидается на перекатах окатной галькой, вскипает белогривыми валами на стремительных шиверах, безумно бьется о черно-бурые одинокие камни — «бойцы» и неистовствует на стремнине, зверем налетая на гранитные острова и образуя ниже их грозные воронки зловещего бутылочного цвета. Голосист — то грохочет, словно камнепад из вулкана, то шипит, будто тысяча потревоженных змей, то визжит, точно стадо взбесившихся верпей. И наконец, разноцветен — голубой в широких разливах, изумрудный на таежных плесах, бурый меж

скалистых берегов, белопенный на порогах, серебристый на перекатах, зловеще-свинцовый и даже черный в темных ущельях. Полноводен, могуч, властен Ка-Хем — не река, а будто сам царь всех рек и покоритель горных кражей.

Да, царь-река. И все же человек сильнее его. Помнится, в один из первых дней путешествия наш отряд оказался свидетелем необычного зрелища. Мы как раз подбирались к слиянию Балыктыг-Хема с Кызыл-Хемом, из которых, собственно, и образуется Ка-Хем. Грозное это место: порог на пороге, водная круговерть, шивера, перекаты, «бани» — каменные острова на стремнинах. Река ревет табуном раненых медведей, швыряется хлопьями пены, окатывает каменные берега растрепанными волнами и обдает хлесткими брызгами. Мы долго и, признаваясь, не без некоторого содрогания смотрели на один из порогов этого бешеного участка реки, и вдруг все разом ахнули, увидев стрелой летящий по крутому водяному спаду плот с двумя мокрыми с ног до головы боролатыми мужчинами. Его несло прямо на источенные водой и временем каменные глыбы, торчащие из белой кинены. Мужчины, стоя на плоту, отчаянно табанили веслом-правилом. Удар веслом!.. Еще удар!.. Еще — и плот, стремительно обойдя стороной грозные камни, вылетел на «улова» (так называются в здешних краях огромные ямы-водовороты ниже порогов) и медленно, но неостановимо закружился на месте, как бы нащупывая ту самую речную струю, которая должна вытащить его из водяной ямы на стрежень и понести дальше вниз по реке.

— Уж не с ума ли парни спятили? — дивясь на лихих бороватых плотогонов, помотал головой Вадим Васильевич и вдруг прищурился. — Гляньте — кто это у них там, на плоту-то, шевелится?

Мы все присмотрелись к плоту и увидели на нем марала. Сибирский олень лежал на боку и был крепко привязан к бревнам плота широкими ляжками. Судя по тому, что зверь время от времени слегка приподнимал свою рогатую голову, он был жив. Все мы, кроме нашего охотоведа Олега Ивановича, недоуменно переглянулись. Потом Фотей Потылицын, с трудом пересиливая голосом речной гул, прокричал бородачам:

— Эй, ребята! Чего это вы его полонили?

— Захворал бедняга! К ветеринару в ближайший колхоз славаем! А подобрали его в тайге на Кызыл-Хеме! — последовал еле слышимый из-за грохота порога ответ, и плот вскоре, выскочив из власти воронки на бойкую воду, помчался дальше, к следующему порогу.

— Батюшки! — всплеснул руками Фо-

тей. — Это надо же, с Кызыл-Хема плывут! Да ведь путь оттуда — одни пороги, явная игра со смертью. Ну и лихость у ребят!

Фотей говорил о смелости бородачей. Я же, слушая его и глядя на яростный Ка-Хем, думал: до чего же могуч таежный люд в своей доброте, если способен ради спасения жизни дикого животного идти на смертельный риск — вступать в схватку со стихией и побеждать ее.

Дня через два после встречи с плотогонами, когда мы, пройдя уже немало кривых и горбатых километров по угористым берегам порожистого Кызыл-Хема, остановились на ночевку близ порога «Скала Голубь», я влез на один из прибрежных высоких утесов, чтобы в бинокль полюбоваться окрестностями.

Уже крепко завечерело. По дну распадка, подминаемая под себя черную синеву, над Кызыл-Хемом плыл белый густенный туман. Он плыл вниз по реке, с белогорья,

оттуда, где Белин сливается с Кызыл-Хемом. Туман был так плотен и напорист в скорости, что мне невольно подумалось: это не туман, а молоко идет лавиной, прорвав где-то в белогорье дамбу гигантского молокохранилища. Вскоре туман покрыл ровным слоем все дно распадка. Не видно стало ни реки, ни высоких берегов. Люди нашего отряда ходили, утопая по пояс в тумане, как в пушистом снегу, из которого неподалеку от них вырывались медно-красные языки пламени почти невидимого костра. И прибрежный лес тоже был в тумане. В низинках его белизна иным деревьям доходила даже до половины, на возвышениях же покрывала лишь корни. Я поднес к глазам бинокль, желая приблизить к себе туманные дали верха реки и что-нибудь разглядеть в них, и вдруг увидел два темных корня, торчащих из тумана. Неожиданно корни шевельнулись и утонули в молочной белизне. «Сибирская косуля!» — догадался я и тут же насто-

рожился, заметив метрах в тридцати от нее вынырнувшую из белой густерни черную голову медведя, видимо вставшего на задние лапы. Медведь повел носом в разные стороны, шевельнул ушами и снова канул в туман. И тотчас из тумана опять показались рога косули и застыли на мгновение в одном положении, а затем сорвались с места и стремительно полетели к ближнему лесу и пропали в нем. Следом за косулей, выпрыгивая из тумана, как дельфин из воды, понесся медведь. Но понесся явно зря: косолапому охотнику почти никогда не удается догнать бегущую косулю. Да и гнался-то он как-то довольно лениво, вроде бы лишь «для очистки совести». Перед лесом он поднялся на дыбы, фыркнул досадливо и медленно погрузился в туман. Я невольно рассмеялся и поглядел в бинокль на другой берег невидимой сейчас реки. Из тумана больше ничего живого не показывалось. Тогда я принялся прощупывать глазами склоны гор и вскоре заметил крупную сову. Сидя на сухостойне, горбоносая хищница вертела головой, прочищала свои глаза частым хлопанием век, усердно переваливалась с боку на бок — делала, видимо, разминку перед вылетом на охоту. Потом (этот миг, пожалуй, запомнится мне на всю жизнь) я увидел перед собой — рукой подать! — рысью морду. Зверь глядел прямо мне в глаза и грозно скалил зубы. Я невольно начал пятиться, но, убрав от глаз бинокль, понял, что до рыси от меня метров триста, и остановился. И сделал это как раз вовремя: в полуметре за моей спиной был край утеса, а за ним пропасть. Больше я не стал глядеть в бинокль.

Уже совсем стемнело. В фиолетовом небе появились крупные немигающие звезды. А потом из-за гор выплыла неполная, но удивительно ясная луна, и ровный слой тумана в распадке, озаренный ее зеленоватым светом, стал замечательно похож на заснеженную зимнюю долину.

Очень высоко, почти на самой вершине дальнего тасхыла, я заметил крохотный огонек и глянул на него в бинокль. Но огонек был так далек, что даже мой двенадцатикратный бинокль почти ничуть не приблизил и не увеличил его.

— Интересно, кто там может быть?

— Возможно, коневоды свои табуны на альпийских лугах пасут. В Туве же очень много лошадей, — ответил мне Вадим Васильевич. — А может, это оленеводы. Да, скорее всего они, так как там, где горит костер, самые ягельные места, а ягель, известно, главный хлеб для оленя.

— Погодите, — удивился я, — ягель же в тундре!

— А у нас на тасхылах столько высоко-

горной тундры, что иной заполярный оленевод позавидует. Вообще открою вам, Тува — это очень необычная страна. Например, мало кому из европейцев известно, что в Туве есть самые настоящие песчаные барханы и выжженные солнцем солончаки, где пасутся стада верблюдов. А про сарлыков, вероятно, даже в соседней Хакасии не все люди знают.

— Сарлыки? — не понял я.

— Вот и вы не знаете, — улыбнулся краевед. — Сарлыки — это яки по-здешнему...

— Ах, яки! Как же, знаю. И знаю, что яководство — одна из приметных отраслей в животноводстве на западе Тувы...

Потом мы заговорили о диких животных, обитающих в Туве. До этого вечера мне казалось, что я знаю весь ее четвероногий мир. Однако из разговора с охотоведом выяснилось, что в южных районах республики нередко можно встретить и корсака, и дзерена, и зайца-толая, о которых мне раньше было известно, что они обитают гораздо южнее — в Монголии. И еще я сделал для себя одно открытие. Оказывается, что на северо-востоке Тувы, в бассейне Бий-Хема (Большого Енисея), на реке Азасе, впадающей в озеро Тоджа, водятся бобры. У них там есть даже своя крупная «автономия» — Азасский бобровый заказник, в который в летнюю пору частично наведываются местные юннаты. Они ведут перепись бобрового населения, следят за его миграцией и охраняют от браконьеров. О тувинских бобрах до этого я сроду ничего не слыхивал.

Разговор о богатстве растительного мира Тувы невольно заставил меня пройтись памятью по тем местам, какими двигался наш отряд все эти дни, пересекая таежные пади и переваливая через скалистые горы кахемья. Вспомнилось: мы не одолели еще и пятидесяти километров бездорожья, как я уже понял, что попал в край самой пышной в нашей стране природы. Бывал я когда-то и в горах Залийского Алатау, бродил по кручам таежных сопок Сихотэ-Алиня и Камчатки, лазил по лесистым склонам гор Кавказа, блуждал в горной тайге Прибайкалья, но нигде не видел такого разнобразия и буйства таежной растительности, как здесь, в Саянах Тувы, источенных бесчисленными притоками Ка-Хема.

В устье одного из таких притоков, влажном и душном, мы попали в заросли купурей. Что это были за купуры! Срезав один из них, я измерил его длину — 3 метра 36 сантиметров! Нигде, даже на южном Сахалине, славящемся своим высокотравьем, не встречал я такого дудника. Здесь же, в устье, росла ядовитая чемерица. И эта трава тоже поразила меня необычным размером. Ее гофрированные листья

были немногим уже растянутого меха гармошки. На песчаной отмели, в тени ивняка, рос ядреный изумрудный хвощ. Он был так высок, густ и толст в стеблях, что выглядел молодым ельником. Вообще в устье притока все травы были раза в два-три крупнее обычного. Листом сибирского лопуха можно было накрыться, как детским одеялом, а под кустом папоротника — четвером спрятаться от жары.

Затем, помнится, я был поражен обилием ягод. Как-то раз мы долго пробирались вверх по безымянному ключу, впадающему в один из притоков Ка-Хема. Берега ключа были сплошь завалены камнями и высохшим буреломом. Бурелом был затянута диким хмелем, зарос мелколесьем, кустарниками, высоченным сочным пыреем и пушистым иван-чаем. Вот в этой-то чашобе мы и наткнулись на поляну смородинника. Никогда я еще не видывал такой рясной черной смородины. С одного малого куста (всего 5—7 ветвей) можно было собрать не менее ведра крупных, почти как виноград, черно-сизых ягод. Подставишь под куст фуражку, трянешь его — и фуражка полна смородины! Здесь же росла и красная смородина, по сибирски — кислица. Ветви кислицы буквально гнулись под тяжестью крупных гроздьев рубиновых ягод.

— Ну и чудо! — не переставал удивляться я.

— Это не чудо, — сказал мне Вадим Васильевич, привыкший к такому обилию ягод. — Черная кислица — вот это действительно чудо. И чуда этого в нашей тайге тоже полно.

Я не понял его, и он тогда поведал мне, что в Туве растет особенный сорт смородины: цветом она черная, а вкус и форма у нее — красной смородины. Никогда я не слышал про такой сорт и не поверил бы, что он существует, если бы на другой же день краевед не угостил меня гроздью очень кислой красной смородины... черного цвета! «Тувинский парадокс» — так бы назвал я этот необыкновенный сорт.

Грибами, как и ягодами, тувинская тайга богата тоже чрезвычайно. В одном сыром мелколесье я видел столько подосиновиков и подберезовиков, что с каждого квадратного шага можно было собрать не менее трех-пяти тугих и скрипучих, как яблоки, тяжелых грибов. Рыжики, волнушки, маслята, грузди — все эти грибы очень крупные и ядреные, встречались нам во влажных низинах и мокрых подлесках почти на каждом шагу.

И еще вспомнился мне в тот вечер кахемский лес, бронзовые колонны его корабельных сосен, беломраморные прямые столбы громадных берез, кровавые гроздья длинных рябин; огромные, с суповую тарелку, жирные листья осин; тридцатиметро-

вые лиственницы в три обхвата в комле; шпильки темных елей, вонзающиеся в самое небо; черно-синий бархатный лапник пихтарника; толстенные, в медвежью лапу, ветви черемух; облепиха с золотистыми драгоценными ягодами и, наконец, сам царь сибирских лесов — величавый кедр, достигающий в иных глубоких распадках в высоту чуть ли не сорока метров.

Удивительное это дерево — кедр. Загадочное: в посуде, сделанной из его древесины, почему-то по неделям не скисает молоко, а в мебели из кедра не заводятся насекомые. Но это качество присуще вообще кедру. Кедр же ка-хемья отличается от прочих сибирских обилием шишек. Случается, что с некоторых исполинов промысловики снимают по девять кулей шишек, а это девять ведер просеянных орехов! Шишки собирают, потом разрушают особой теркой, но так, что орехи остаются целыми. Затем орехи просеивают через решето, а оставшуюся на нем шишечную шелуху выбрасывают. В урожайный год тувинские промысловики добывают орехи буквально тоннами. А это центнеры прекрасного масла и сотни тысяч семян для выращивания кедровых саженцев...

«Да, богат, щедр, красив и своеобразен девственный лес горной Тувы, и нет ему в этом равных во всей Сибири!» — вот о чем подумалось мне в тот памятный лунный вечер, когда мы сидели в тумане у костра на берегу грохочущего Кызыл-Хема.

Кызыл-Хем образуется из слияния Шихид-Гола с пограничной рекой Бусин-Голом, берущих свои начала в Монголии. Чуть ниже их слияния, недалеко от поселка Уш-Белдыр, известного своими источниками минеральных вод, в Кызыл-Хем впадает Белин — одно из полноводных начал Малого Енисея в нашей стране.

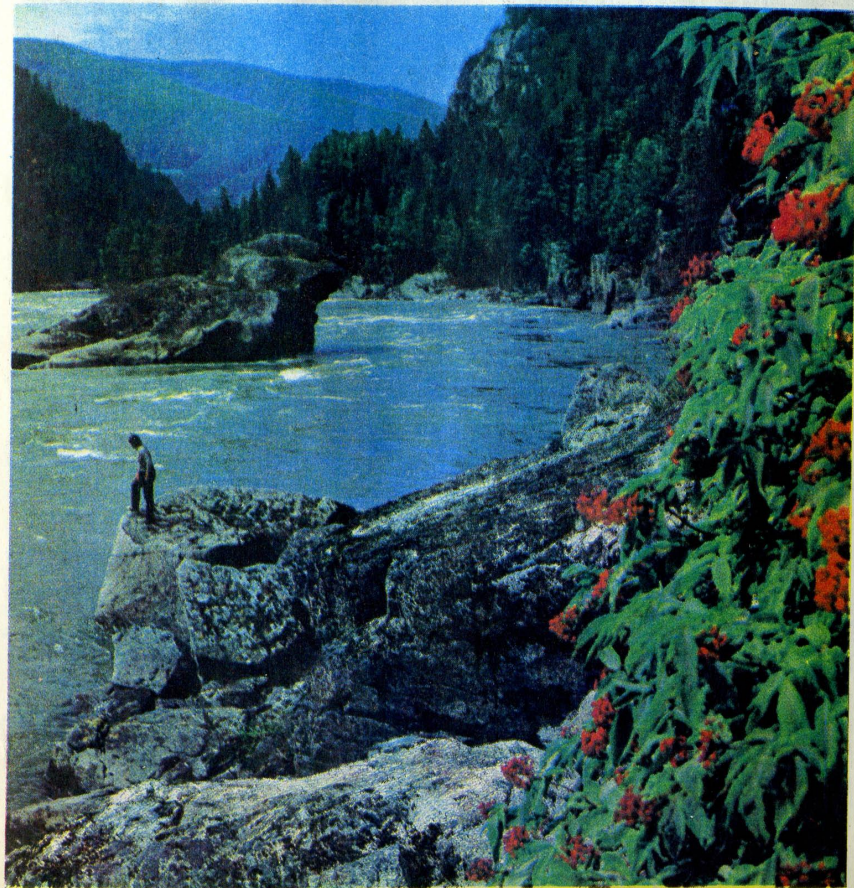
Четыре дня назад мы миновали устье Белина и сегодня поднимаемся по склону горы Мунку-Сасан, на которой где-то выныривает (так мы предполагаем) из земли наш белоствольный Белин. Но где именно и как? Еще утром Белин распался на несколько ручьев, со звоном несущихся по крутым и глубоким распадкам, в верховьях которых лежат вечные снега. Мы идем вдоль одного из этих ручьев, самого, на наш взгляд, крупного. С каждым часом он становится все мельче, уже и вдруг совсем неожиданно пропадает среди гранитных валунов в самом подножии почти вертикальной каменной осыпи, верхний край которой покрыт тающим, но никогда не растаивающим вечным снегом. Вот из этого-то снега и образуется поток нашего ручья. Пройдя под осыпью, он вырывается из-под нее на поверхность и прозрачным ключом устремляется под гору.

— Сам Белин? Или один из его истоков? — говоря это, наш охотовед вопросительно смотрит на ручей. — Впрочем, это не так уж важно. Главное, мы сейчас находимся на родине Белина, в его колыбели.

Молча озираемся по сторонам. Вокруг скалы, каменные осыпи, полное безлесье и тишь, нарушаемая лишь изредка криком горных куропаток. Ниже по течению ручья, на склонах распадка, видны мхи, лишайники, карликовые березки, стланник — высокогорная тундра. Подношу к глазам бинокль и вижу ниже тундры альпийские луга с сочным разнотравьем и яркими цветами. На одном из них пасется табун лошадей. На другом, в кустах ольховника, стоит лосиха с теленком. Еще ниже заме-

чаю полосу мелкого пихтача и стадо из шести кабанов; звери спускаются с горы в лог, видимо на водопой. А дальше начинаются сплошная тайга и бесконечные горные кряжи. На севере вижу каменный пик Топографов, на юге вершину монгольской горы Хойт-Агуйн-Ула, за спиной — Мунку-Сасан, а на западе — панораму гор чуть не всей красавицы Тувы — страны сорока Енисеев, колыбели нашего великого Енисея-батушки, где в окружении прекраснейшей природы живут прекрасные люди, как те два бородача, способные во имя ее сохранения пойти на риск и подвиг.

И. Пономарев
Фото А. Роот

Под величавые раскаты
Далеких, медленных громов
Встает трава, грозой примята,
И стебли гибкие цветов.

Последний ветер в содроганье
Приводит влажные листья,
Под ярким солнечным сияньем
Блестят зеленые кусты.

АЛЕКСАНДР БЛОК

Букет

Осинник кончился, я вышел к песчаной горушке. И невольно остановился. Горушка как горушка, ничего особенного, по склонам поднималась вверх хилая травка да росли крохотные осинки.

Но вершину горушки венчала кочка. И какая кочка! С боков ее опушил сивый белоус, из которого здесь и там выглядывали красные глазки клевера. А саму кочку сплошь покрывали фиолетово-желтые цветы иван-да-марьи. Над ними поднялось несколько стебельков: то были голубенькие колокольчики, жгуче-красная смолка и лисохвост. А из центра всего этого цветения выметнулся высоченный дрок с малюсенькими белыми цветочками.

Не кочка, а великолепный букет, составленный искусной рукой природы.

Ю. Королев

Водяной бык

Светало. Летняя ночь, отступая, пряталась в лесные чащобы и глухие болота. Было тихо, тихо. Отягощенные холодной росой, молодые травы сладко дремали в утреннем полусне.

Я сидел на колодине из мореного дуба, выброшенной на берег вешними водами. Над моей головой раскинулся широкий вяз. У ног шептались тихие струи ясноглазой Кокшаги. Я сосредоточенно смотрел в верховья реки, откуда с минуты на минуту должна была появиться лодка моего друга-охотника.

Сидел я уже долго. От неподвижности затекли ноги. А друга все не было. Видимо, что-то непредвиденное задержало его в поселке рыбаков и лесорубов.

Я чутко ловил ухом каждый звук уходящей ночи. Вот-вот, думалось мне, плеснет звучно дубовое веселье и из-за поворота покажется остроносая лодка-долбленка.

Но лодки все не было...

Неожиданно метрах в десяти от меня подозрительно зашуршали камыши. Над водой закачались их острые перистые верхушки. Я насторожился. Замер. И тут же, через какое-то мгновение, на краю камышовых зарослей показалась какая-то крупная птица.

Меня поразило то, что птица не плыла по воде, не летела над водой по воздуху, она свободно шла по поверхности воды. Да, да! Птица шла, даже не погрузившись в воду ногами. Более того, выйдя из камышей, она побежала по плотно растущим листьям кувшинок вдоль берега и остановилась на осоковой кочке недалеко от меня.

Я не дышал. Заинтересованный диковинной птицей, я не сводил с нее глаз.

А она, остановившись на кочке, начала принимать своеобразные позы: то низко приседала на недлинных ногах, то, вытянув короткую шею, замирала в неподвижности, то, горбясь, стояла подолгу на одной ноге.

Затем странная птица неожиданно быстро, плашмя, сильно ударила по воде клювом. Потом, опустив его в реку, громко заревела. От пронесшегося над рекой и лугами характерного звука мне сделалось не по себе...

Я обрадованно закричал, замахал руками навстречу лодке, показавшейся из-за поворота реки.

Рис. В. Федорова
Фото Е. Карпова

Испуганная моими криками, птица неуклюже взлетела, вихляя при этом всем телом, махая ногами и оглядываясь назад. Невдалеке она опустилась в болотных зарослях ивняка.

— Ну что? Испугался? — справился у меня подъезжавший охотник.

— Так себел! — уклонился я от неприятного мне ответа. — А что это за птица? Какая-то странная!

— Выпь. Большая выпь, — ответил мне охотник.

— Какая уж тут выпь. Это бугай настоящий! — заметил я недовольно, вспомнив ее неприятный рев.

— Бугай и есть! — рассмеялся мой товарищ. — Только в народе выпь чаще всего водяным быком зовут.

— Действительно, водяной бык! Лучшего имени этому болотному чудищу и не придумаешь!..

А. Рыжов

Рябинки

Прекрасно бывает в лесу, когда после длительной жаркой погоды пройдет обильный теплый грибной дождь. Все здесь тогда оживет, как будто запоет, зазвенит и зашумит: деревья, травы, цветы. Шаловливый ветерок заиграет тенями ветвей по белым стволам берез, небо заголубеет, и легкие облака, как снежные вершины гор, возвысятся над зеленой кромкой леса.

Однажды после такого дождя я пришла в лес. Набрыв ягод, я села под кудрявой березой на вырубке с названием Рябинки. Здесь росли молодые кустистые рябинки. Сижу, ягоды в кузовке перебираю и надивиться не могу, сколько красоты кругом и сколько полезного растет на одной только этой вырубке! У серых, подернутых мхом низких пней приютилась земляника. Среди покачивающихся от ветерка цветов много целебных трав: кипрей, зверобой, калган. Радуюсь дарам природы, я увидела, как на Рябинки из березняка вышли лосиха и лосенок. Впереди был малыш, которого я приняла сначала за жеребенка. Темной масти, на высоких стройных ногах, он и впрямь на него похож. Лоси мирно паслись, осторожно, будто не желая повредить деревья, особенно их молодые побеги, оципывали листья ив и рябин. Вдруг лосенок резко вскинул голову и запрыгал по вырубке. Разбуженный, из кустов выскочил заяц и бросился бежать куда глаза глядят, но, не чуя за собой погони, остановился, присел на холмике на задние лапки, а передние прижал к груди. Вытянувшись и наострив уши, он с любопытством огляделся кругом. Решив, что ему не грозит опасность, наклонился, встряхнул передние лапки, полизал их и стал тщательно умываться. Игра лосенка встревожила мать, и она поспешила к шалуну. Я видела, как она губами потрепала лосенка по шее, и они растворились в березняке. Снова стало тихо на Рябинках.

Е. Прокофьева

Рябчик

Задумавшись, шел я глухой лесной просекой. Видно, здесь давно никто не был. Прошлогодня листва лежала нетронутой, ветви деревьев смыкались и создавали зеленый тенистый коридор. Прохладно и приятно, а там, наверху, голубело небо, буйствовало солнце. Его лучи,

проникающие сквозь листья, высвечивали кусочки просеки и создавали причудливый ковер из света и тени.

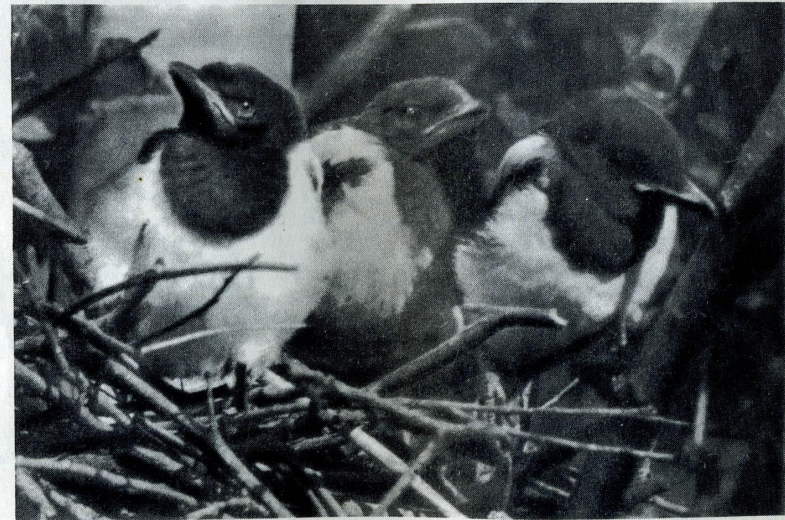
Я скорее почувствовал, чем заметил, что впереди что-то мелькнуло. Поднял голову и увидел какую-то странную, темного цвета птицу. Она неуклюже, вперевалку и небыстро бежала от меня, забирая чуть вправо, а с нее сыпался песок.

Что за чудо! Но вот птица сильнее разбежалась... И — фррр — тяжело взлетела, на мгновение окутанная облачком пыли. Ба, да это рябчик!

Что он такой чудной? Подошел к тому месту, откуда его спугнул, поискал кругом глазами. А вот и отгадка. У поворота просеки, хорошо освещенного солнцем, в песке было небольшое овальное углубление, а кругом раскидан песок. Рябчик в тиши грелся на утреннем солнце и принимал песочную ванну, накидывая крыльями на себя пыль и песок. И так растерялся, что с трудом взлетел.

Рябчик скрылся в лесной чаще, я проводил его взглядом и пожалел, что нарушил его покой.

Г. Чернов

Затрещали в лесу сороки — значит, что-то случилось. Разнесут теперь они новость по всему лесу. Сплетницами и разбойницами зовут этих птиц. Сорока может утащить птенца из гнезда или цыпленка. Но эти проделки ей можно простить. Поедая вредных насекомых, сороки приносят большую пользу сельскому хозяйству. Птенцы появляются у сорок в мае — июне и первые три недели остаются в гнезде. Потом покинут родной дом и будут сами добывать себе пищу. А осенью собьются в стайки и перекочуют поближе к человеку — так легче проводить трудные зимы. Фотографию сорочат сделал Н. Боханов.

Июнь зовут «румянцем года». За яркую зелень листвы, за переливы красок цветущих лугов, полян, опушек и за алые зори, что почти не гаснут на небе. «В июне заря с зарею сходится», «день с год» — гласят народные пословицы.

Воздух настоян на цветах и душистых травах, медом пахнут липы, выколосились и запылили луговые и лесные злаки. Пришла пора первого сенокоса. Сигнал для нее — цветение ржи.

В лесу появляются первые грибы, поспевают земляника. Это, ребята, пер-

вые дары Берендея. Помните, землянику лучше собирать утром, когда высохнет роса (сорванная с росой, она раскисает). А если собирать ее в самую жару, в полдень, она быстро вянет. Много целебных трав, цветов, листьев, ягод и корней подарит вам июнь. Собирайте их только в тех местах, где они растут в большом количестве. Но лучше приметить наиболее хорошие, здоровые растения, собрать с них семена и заложить плантации лекарственных растений здесь же, в лесу, или на лугу, в поле.

Не забывайте, ребята, ухаживать за посаженными весной деревьями и кустарниками. Вовремя поливайте их. В питомниках следите, чтобы всходы не заглушили сорняки. Внимательно осматривайте посадки и участки в лесу. В это время появляются насекомые-вредители: сосновый шелкопряд, дубовая листовертка, пихтовая я-

деница, долгоносики, пильщики. Лесу нужна ваша помощь. Вот почему так важно привлекать птиц. Там, где много птиц, муравьев, лес меньше всего заражен насекомыми-вредителями.

Понаблюдайте за тем, как птицы выкармливают птенцов. Только помните, что делать это нужно с большой осторожностью, — птицам необходима в это время тишина. С рассвета и до глубокой ночи прилетая они корм к гнезду, прилетая сотни раз. Огромное количество насекомых-вредителей уничтожают крылатые друзья леса в период выкармливания птенцов.

Не уступают им и рыжие муравьи. Поэтому важно, ребята, провести строгий учет всех муравейников, расположенных в вашем школьном лесничестве. Огородите муравейники, проведите наблюдения за жизнью лесных санитаров.

В. Ефимова

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

Звездчатка жестколистная

Красивое латинское название у этой маленькой травки — стеллария! Происходит оно от слова «стелла» — «звезда». И по-русски растение это зовут звездчаткой, или звездочкой. Звездчатку жестколистную заметь лишь в пору цветения, когда среди лесной травы только и видны ее белые цветки-звездочки.

Седьмичник и майник, ландыш и купена цветут в это же время, и все они — с белыми цветками. Но почему весной лес пестрит фиолетовыми и желтыми красками, а летом почти у всех лесных трав цветки белые? В наполненном светом весеннем лесу насекомым-опылителям хорошо видны яркие тона. А летом, когда уже раскрылись листья на деревьях, в полумраке под пологом леса заметнее всего белый цвет. На-

пример, в тропиках, где в лесу еще темнее, чем в наших липняках, наземные растения (бегонии, недотроги и другие) чаще всего тоже бывают с белыми, иногда светло-розовыми или желтоватыми цветками.

Растения раннего лета привлекают пчел не только белым цветом, но и запахом, формой цветков и их расположением. Насекомые-опылители предпочитают цветки в форме звезды, а не круга, а также много мелких цветков, а не один большой. «Звезда» звездчатки — десятилучевая. Лепестков-то у нее всего пять (как и у большинства растений из семейства гвоздичных), но каждый глубоко разрезан на две части. Поэтому многие и по определителю не могут узнать, к какому семейству относится звездчатка, им кажется, что у нее десять лепестков.

У родственников звездчатки, горичвета и некоторых диких гвоздик, лепестки рассечены еще сильнее — на четыре или больше долей. Такие многолучевые «звезды» очень привлекательны для насекомых.

Звездчатка — растение многолетнее. Несколько лет живет подземное корневище, ежегодно вырастают из него тонкие побеги с жесткими супротивными листьями. Они так слабы, что могут удержаться лишь на

травах-соседах. Поэтому кажется, что легкие соцветия звездчатки висят в воздухе.

Жестколистная звездчатка привыкла к жизни в широколиственных лесах, но может жить и в хвойных. Кавказ, Западная Сибирь, европейская часть СССР — вот где у нас ее можно встретить.

В средней полосе, кроме звездчатки жестколистной, обычны и другие виды: звездчатки дубравная, злаковая и средняя (мокрица). Первая из них встречается в лесах. Вторая — по лугам и залежам; даже возле жилья можно увидеть ее изящные побеги со «злаковыми» листьями и некрупными цветками. Более всего известна звездчатка средняя (мокрица). Это вездесущий и надоедливый сорняк. И хотя растение это однолетнее, избавиться от него на участке бы-

вает непросто, а ведь оно не имеет длинных подземных корневищ, как пырей или осот. Хитрая мокрица, чтобы не зависеть от насекомых, перешла на самоопыление, поэтому каждый ее маленький цветочек дает плод со множеством семян. Важно успеть убрать мокрицу с участка, пока она еще в бутонах и не разбросала новую порцию семян. Правда, не все они прорастают сразу. Большинство весной, некоторые летом, а есть и такие, которые лежат в земле целый год и лишь потом проклевываются. Такое приспособление помогает растению выжить и оставить потомство. Постоянно убирая мокрицу с участка (не давая ей оставить семена), вы избавитесь от этого сорняка.

К. Глазунова

ГРЫЗУНЫ ВЫСОКОГОРЬЯ

Сурки и суслики вместе с белками и бундуками объединяются в одно семейство — семейство беличьих. У систематиков свои законы. Они берут в основу строение черепа зверьков, количество, форму и расположение зубов и другие признаки, которые сразу и не заметишь. А если говорить о внешности или повадках сурков и белок, то можно сказать: «Ничего похожего!» и даже: «Совсем наоборот!» Белки — маленькие, подвижные, веселые, прыгают по деревьям и летом, и зимой, делают кладовки с большими запасами на зиму. А сурки — толстые увальни с короткой шеей, маленькими ушами, сильными короткими лапами, никаких запасов не делают, живут в норах и спят, «как сурки», почти по восемь месяцев в году.

Живут сурки в степях, пустынях, горах. О байбаках — степных сурках и тарбаганах — монгольских сурках мы сейчас говорить не будем. Численность их пока не вызывает тревоги. Мы познакомимся с горным сурком, который живет только в нашей стране высоко-высоко в горах Запад-

ного Тянь-Шаня на очень ограниченной территории — всего каких-нибудь 200 квадратных километров. Численность его очень невелика и продолжает сокращаться.

Это сурок Мензбира. Самое характерное его отличие от других видов сурков — контрастная окраска. Верх головы, туловища, боков тела окрашен у него в темный, почти черный цвет. А щеки, вся нижняя часть тела, лапы — в светлый, желтоватосерый. Окраска меха очень меняется в зависимости от времени года. Недаром киргизы называют этого сурка весной — желтая мышь, а осенью, когда он в темном наряде, — черная мышь.

Чтобы увидеть этого симпатичного зверька, надо приехать в поселок Паркент, что недалеко от Ташкента, пройти в управление Чаткальского заповедника, договориться с сотрудниками о совместном походе по территории заповедника и верхом на лошадях ехать долго-долго по узким горным тропам Чаткальского хребта. Еще этот сурок водится на очень небольших участках горных районов или предгорьях Киргизии

и в отрогах Угамского хребта Казахстана. Больше его нет нигде. В зоопарках он не живет, а в научных коллекциях зоомузеев — единичные экземпляры.

Итак, нам очень повезло, и мы едем на лошадях в горы. Там, где кончается граница лиственных лесов, где осыпаются и нагромождаются камни, где понемногу и арча становится редкой и появляются альпийские лужайки (высота здесь уже 2200—2500 метров над уровнем моря), можно сойти с лошадей, дать им отдохнуть после трудного подъема, а самим подняться еще немного — туда, где все лето в расщелинах скал лежит снег. Здесь надо остановиться и внимательно прислушаться. Тотчас вы услышите отрывистые, резкие крики сурков. Это сигнал опасности. Издают их зверьки-сторожа, которые зорко несут свою вахту. В это время другие кормятся или просто отдыхают на солнышке. Услышав такой сигнал, все зверьки прячутся в норы. Если никак себя не выдавать, сурки постепенно успокоятся и снова выйдут из нор. Перед этим сторожа подадут другой сигнал — протяжные, не такие резкие звуки. Это значит — все спокойно, можно заниматься своими делами.

В плохую погоду, когда солнце прячется за тучами, идет дождь, у сурков снижается активность, у них «плохое настроение», им скучно, они издают унылые, протяжные звуки, говорящие о том, что не мешало бы соседям и всем родственникам собраться вместе, поболтать, развлечься. Вот из одной норы слышен унылый крик, из другой, третьей... Проходит несколько минут — и можно видеть, как сурки перебегают по тропам из норы в нору, бегут в гости к соседу. Сурки очень общительны. Особенно они любят встречаться с родственниками своей многочисленной семьи. Вот тут-то их и можно рассмотреть, если бинокль есть: ближе, чем на 40—50 метров, сурок к себе человека не подпустит.

В сравнении с другими видами сурков Мензбира самый мелкий. Длина его не более 50 сантиметров, а вес около 4 килограммов. Зверек приземистый, немного неуклюжий. Но это только на первый взгляд. Его ловкость удивляет, стоит лишь взглянуть, как он прячется в нору, как легко протискивается в щель его гибкое тело.

Живут сурки колониями. Как правило, выбирают северные и восточные склоны гор, где зимой скапливается больше снега — под ним спать теплее. Иногда весной при выходе из нор после длительной спячки сурки пробивают слой снега толщиной до восьми метров.

Как-то нам предстояло сделать «портрет» сурка, сфотографировать его с более близкого расстояния, чем мы делали прежде. Мы уже знали, что зверьки очень любопыт-

ны. Их всегда привлекает что-то необычное, непонятное. Поэтому мы решили пойти на хитрость. Один из нас привязал к длинной палке серую тряпку, накинул на себя большой плащ и пополз на четвереньках к сурку, помахивая тряпкой. Зверек сначала лежал на камне и присматривался к приближающемуся «чудищу» — такого он прежде никогда не видел! Затем он вскочил, начал кричать, размахивать передними лапами и хвостом. Вся колония словно ожила, из соседних нор высунулись удивленные мордочки — ну совсем как в большой коммунальной квартире! Нам удалось подползти на расстояние 15 метров и сфотографировать этого сурка. Стоило же скинуть с себя плащ, встать на ноги и перестать размахивать серым флагом, как зверек мгновенно скрылся в своей норе.

Среди местных народов — узбеков, казахов, киргизов — издавна бытовало поверье, будто сурок — это человек, за какие-то проступки проклятый аллахом и осужденный жить в норах и питаться травой. Поверье это основано, конечно, на внимательных наблюдениях пастухов и охотников за сурком. Мы и сами не раз поражились странному поведению этого зверька. Однажды у нас в садке сидел сурок, отловленный для мечения. Надо было взять его, а он кусался, никак не давался в руки. Пришлось воспользоваться палкой, чтобы отвести его мордочку от рук. Зверек, увидев палку, вдруг присел «на короточки», на задние лапы, а передними закрыл голову от предполагаемого удара. Ну совсем как человек! При этом он так умоляюще смотрел на нас, что пришлось отказаться от мечения и выпустить его из садка.

Выходят из нор сурки в апреле, еще снег лежит, а трава едва начинает пробиваться на проталинках. Сначала зверьки греются на солнышке у входов в норы. Лишь через неделю они начинают понемногу питаться — едят прошлогоднюю траву, выкапывают корешки и луковицы растений. Это трудная пора для сурков. За зиму они похудели, а корма еще совсем мало. Тут их, ослабевших, подстерегают хищники — лисы, волки, нередко налетает беркут.

Любимая пища сурка Мензбира — различные злаки, лаготис, альпийский одуванчик, крокусы, луковицы тюльпанов. Кормящие самки нередко питаются насекомыми, чаще всего жуками. Белковый корм им в это время необходим. Больше всего зверьки любят молодые растения и цветы. Они скрушивают личотки или побег, а сами стебли и корневища не трогают. Обычно сурок встает на задние лапы, а передними хватает стебелек, наклоняет его к себе, обедает верхушку.

Однажды мы наблюдали, как маленький сурчонок пытался достать очень вкусную

(на сурчиний, конечно, вкус) верхушку ферулы. Растение это высокое, никак до вершинки малышу не дотянутся, а прыгнуть массивный стебель силенок не хватает. И вдруг сурчонок придумал. Отошел от растения на приличное расстояние, разбежался и... ка-ак прыгнет! И в прыжке схватил нужную веточку.

Вообще сурки — отличные прыгуны. Они иногда запрыгивают на камни высотой до полутора метров. А раз весной мы видели, как сурок карабкался по отвесной скале, чтобы достать растущий на камнях лишайник. Другого корма еще не было.

В августе, когда еще совсем тепло, а в иные дни даже жарко, сурки начинают устраиваться на зимовку. Это вызвано тем, что растительность к этому времени почти вся выгорает. Зверьки становятся вялыми, после сытной кормежки иногда по 5—8 дней лежат в норах и переваривают пищу. Жира к этому времени накоплено достаточно — он составляет четвертую часть их веса. Такого запаса хватит на весь период спячки (7—8 месяцев) и на несколько дней после выхода из норы, когда питаться еще нечем. Перед самой спячкой сурки совсем ничего не едят, спать ложатся с пустым желудком. А медведи перед спячкой слабительное принимают: едят кору крушины.

Зимние норы сурка Мензбира — это огромные сооружения, сделанные у подножий крутых скал, где много гальки, щебня, крупных камней. Какая же сила должна быть в лапах, чтобы раскопать такой грунт! И какое терпение! Сурок доказал, что соорудить себе великолепное жилище можно и здесь, стоит лишь хорошо все продумать и не лениться. Природа научила его этому ремеслу. Толстые короткие лапы сурка надлены большой силой, а когти так прочны, что позволяют копать ходы среди больших камней.

Зимние норы обычно до трех метров в глубину, стены их хорошо утрамбованы и гладки. А ходы тянутся на 25 метров и более. Есть в норе множество отнорков, камер, большая спальня, устланная сухой травой, и даже туалет. На зиму все семейство — нередко до десяти зверьков — собирается в спальне. Сурки удобно укладываются, свертываются калачиком, касаясь мордочкой живота. Такая поза помогает лучше сохранить тепло. Замедляется дыхание — в минуту всего два-три вдоха и выдоха и три-четыре удара сердца. Температура тела снижается до температуры воздуха в норе — до 4—6 градусов тепла. Так спят сурки с августа по апрель. Вход в нору плотно утрамбован изнутри — забит земляным комом.

Сурчата рождаются уже после того, как зверьки выходят на поверхность. Самка снова уходит в нору и живет там одна с

малышами. Самец в воспитании детей почти не участвует. Обычно рождается 2—3 детеныша, реже 4—5. Развиваются сурчата медленно. Целый месяц, а иногда и более не выходят они из норы и питаются только молоком матери. И лишь после этого мать выводит свое потомство погреться на солнышке, показать соседям. Она учит детенышей выбирать самые вкусные травы, но еще продолжает кормить их молоком. Мать очень заботится о детях — постоянно их чистит, вылизывает, ласкает. Малыши игривы, доверчивы. Целый день толкаются, кувыркаются, карабаются на небольшие камни и stalkивают оттуда друг дружку. Если малыши не в меру расшалились и очень уж назойливы, родители уходят в другое место, но продолжают следить за их игрой. Один раз мы видели, как взрослый самец (очевидно, почтенный папаша) задал трепку малышу, который никак не давал ему спокойно полежать на солнышке, позагорать.

За этими симпатичными зверьками можно наблюдать часами. И всякий раз увидишь что-то новое, совсем удивительное.

Наблюдали мы раз, как лисица пыталась поймать маленького сурчонка. Уж она хитрила-хитрила: ходила взад-вперед, пряталась за кусты, ложилась за камни; изо всех сил старалась: уж очень ей хотелось обмануть взрослых сурков (с ними-то ей нелегко справиться) и поймать маленького. А родители все это время находились у входа в нору, посвистывали, когда лисица была им видна — давали знать детям, чтобы они сидели тихонько и носов не выссовывали. Но вот лисица подкралась поближе к норе и затаилась в кустах. Сурки ее потеряли из виду, успокоились, перестали давать знаки тревоги. Сурчата вышли из норы и стали бегать тут же, есть травку. А рыжая плутовка только то и ждала — как бросится на зверька! Тот пронзительно закричал, опрокинулся на спинку и стал отчаянно махать лапками. Лисица схватила его за грудку и потащила в сторону. Тут уж не до наблюдений, пришлось немедленно вмешаться: отнять у разбойницы малыша и вернуть родителям.

Если сурка застигнуть врасплох где-нибудь далеко от норы и преградить ему путь, он все равно бросится к своей норе, пусть даже ему придется пробраться между ног человека. Мой дом — моя крепость!

Поведение этого зверька представляет огромный интерес для экологов, а образ его жизни, способность без пищи в течение такого длительного времени сохранять жизнеспособность и беречь здоровье (во время спячки организм сурка невосприимчив к вирусам и микробам) — для физиологов, биохимиков, микробиологов.

Открыт и описан этот вид сурка впервые

Вот здесь, в предгорьях Тянь-Шаня, и живут сурки Мензбира.

совсем недавно — в 1925 году профессором Даниилом Николаевичем Кашкаровым и назван так в честь его любимого учителя, крупного зоогеографа нашей страны Михаила Александровича Мензбира.

Уже в те годы ученые отмечали, что сурка нещадно выбивают из-за целебного жира, высоко ценящегося в народе как лекарственное средство, и прекрасного меха.

Сейчас численность сурка Мензбира на протяжении всего его маленького ареала очень невелика — не более 40 тысяч зверьков. Если учесть, что у сурка множество врагов в природе (белоголовой медведь, разрывающий сурчинные норы, волк, лисица, каменная куница, беркут), то окажется, что это просто ничтожная цифра. Добыча зверька запрещена сейчас повсеместно, но численность его все равно продолжает сокращаться. В тех местах, где живет сурок

Мензбира, часто летом пасутся отары овец. У каждого чабана есть 2—3 крупные собаки, которые прямо специализируются в охоте на сурков. Овцы же настолько вытаптывают и выедают траву, что суркам почти ничего не остается, они не могут накопить необходимое количество жира, и весной, в бескормицу, многие гибнут.

Все это вызывает серьезные опасения за будущее сурка Мензбира. Вид этот внесен в списки Красной книги. Зоологи сейчас проводят широкие исследования по этологии и экологии животного. Эти исследования должны помочь сохранить и восстановить численность скромного, удивительно симпатичного зверька, без которого наши Тянь-Шаньские горы значительно обеднеют, утратят свою прелесть и неповторимость.

В. Машкин, Н. Носкова

ПОЛНОЧНЫЙ БАЛЕТ САТУРНИЙ

Нью-Йорк... Серые кубы небоскребов, шум, асфальт, запруженные машинами улицы между громадами домов. По ночам над городом-гигантом встает многоцветное зарево неоновых реклам. Но что это! В самом центре города вокруг уличного фонаря в праздничном хороводе кружатся какие-то крупные бабочки. Здесь — в царстве железа, асфальта, бетона! Трудно глазам поверить. И все-таки бабочки самые настоящие, и не какие-нибудь жалкие моли, а могучие красавицы с причудливо загнутыми шоколадными крыльями, расчерченными изящным рисунком (фото 1).

Самое удивительное, что такую бабочку, обычную в большом американском городе, не встретишь среди нетронутой природы, в лесу или на лугу.

Зовется она цинтия, или айлантовый шелкопряд, и принадлежит к семейству бабочек-павлиноглазок, или сатурний. Ночные бабочки обычно не блещут красотой, сатурнии — исключение. Их бархатные крылья переливаются золотистыми, коричневыми, розоватыми тонами, блещут серебряные и перламутровые пятна и полосы. Крылья сатурний не пестрят мелким узором, как у многих дневных бабочек. Их украшает простой, сдержанный, изысканный орнамент, будто выписанный талантливым художником. На крыльях многих сатурний сверкают радужные пятна — глазки.

Раньше ученые полагали, что эти пятна отлуживают врагов — птиц и мелких зверьков. Увидит, мол, птица на крыльях бабочки страшные круглые глаза — решит, что перед ней сова или пантера, испугается и улетит. Но даже мы, люди, с развитой человеческой фантазией, не усматриваем в плоских крыльях бабочки, расцвеченных яркими глазками, особого сходства со злой свинной физиономией. Тем более странно ожидать столь буйного воображения от птицы.

Глазчатые пятна действительно иногда спасают бабочек от врагов, но по-иному. Когда коричневая сатурния сидит на такого же цвета древесной коре, заметить ее нелегко. Нужно особо внимательно всматриваться в рисунок коры — только тогда увидишь. Пятна-глазки имеют большое сходство с играющими в солнечных лучах дождевыми или росяными капельками. Такая блестящая «капелька» на конце крыла сатурнии привлекает внимание птицы и вместе с тем отвлекает ее от осмотра соседних участков коры. А именно там, по соседству, можно разглядеть весь контур крупной бабочки, распластавшейся на стволе. Взглянув на «капельку росы» и ре-

шив, что ничего съедобного здесь нет, птица торопится дальше.

По-иному «работают» глазки на крыльях других видов сатурний. У них передние крылья невзрачной окраски, а задние — ярко-розовые или золотистые, с крупными голубыми глазками (фото 3). Когда бабочка спокойна, они спрятаны под передними крыльями, но потревоженная бабочка на миг приоткрывает их и снова прячет. Птица, естественно, ошеломлена внезапным появлением перед глазами яркого пятна и может в испуге улететь. Но даже кратко замешательства врага для бабочки достаточно, чтобы взмахнуть крыльями и задать стрекача.

Сатурнии-актиасы — салатно-зеленые. Днем они прячутся среди листьев. Взглянув на прихотливо вырезанные крылья актиаса, можно подумать, что это житель далеких тропических стран: уж очень экзотический облик у бабочки (фото 4). Однако актиас встречается и у нас на Дальнем Востоке. У актиасов удивительная гусеница: в начале развития она красновато-коричневая и похожа на веточку, а когда подрастет, становится ярко-зеленой и держится в гуще листьев (фото 2 и 5).

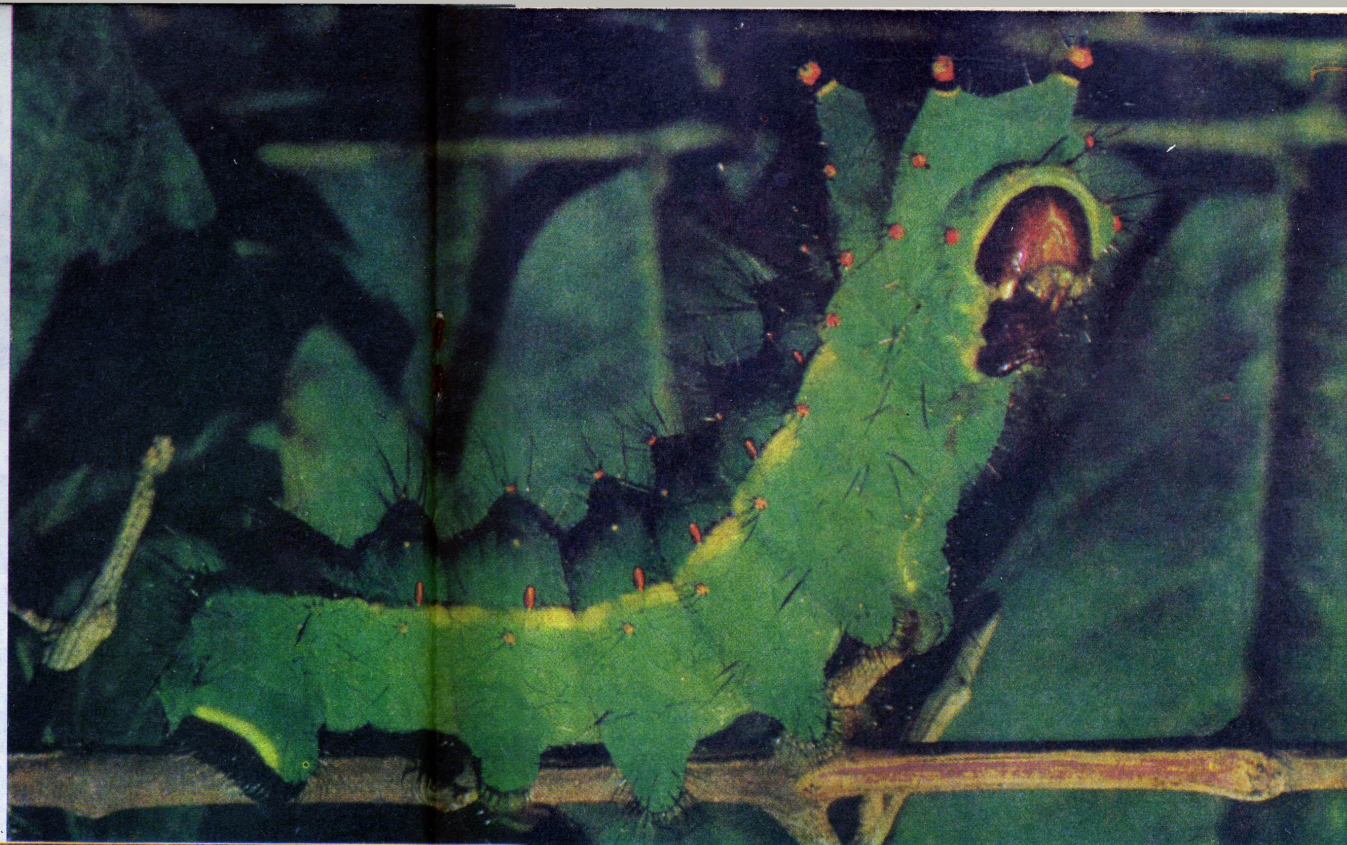
На юге нашей страны водится еще одна замечательная сатурния — большой ночной павлиний глаз. Как она выглядит, подробно рассказывать незачем. Достаточно указать размах крыльев этой бабочки — пятнадцать сантиметров, так что спутать ее с какой-нибудь другой невозможно. Большой ночной павлиний глаз — крупнейшая бабочка Европы и Советского Союза. Но и этот великан среди бабочек покажется невзрачным рядом с тропической сатурнией-атласом, у которой размах крыльев под тридцать сантиметров.

Энтомологи прошлых времен по традиции присваивали родам и видам бабочек имена античных богов и героев. Название сатурний происходит от Сатурна — могучего божества, повелителя вечно и неутомимо текущего времени. Название удачное. Действительно, в облике этих крупных бархатных бабочек с изысканно-строгим рисунком на крыльях чувствуется какое-то величие, столь редко встречающееся в мире насекомых.

Но мы слишком далеко ушли от «каменного леса» Нью-Йорка. Не пора ли вернуться к сатурний-горожанке! Вместе с айлантовым шелкопрядом в Северной Америке живет еще полтора десятка видов сатурний. Увы, все они за последние десятилетия стали большой редкостью. Прекрасных бабочек безжалостно истребляли коллекционеры. Роковую роль волшебной дудочки крысолова в судьбе сатурний сыграли современные уличные

фонари дневного света. Этот свет обладает для ночных бабочек магической притягательной силой. Привлеченные светом издали, сатурнии танцуют по ночам вокруг фонарей, впуская в растрчивая драгоценное время своей краткой [всего два-три дня!] жизни. Свет манит бабочек от родных мест, где растут необходимые для прокорма гусениц растения. Каждый вид сатурний развивается только на строго определенных видах растений, а в местах, куда заносит бабочек погоня за призрачным белым светом, этих растений часто не оказывается. На свет слетаются преимущественно самцы сатурний, поэтому в природе нарушилось нормальное соотношение самцов и самок, необходимое для продолжения рода.

Развитие промышленности принесло сатурниям и другую беду. Всем известна уникальная способность самцов сатурний чувствовать запах самок за много километров и по запаху разыскивать их. Тончайшие органы обоняния сидят на роскошных усиках-перьях [фото б]. В дикой природе сатурнии безошибочно распознают запах самок среди всех прочих. Но когда выросшие, как грибы, заводы и фабрики вместе с дымом начали выбрасывать в воздух сотни и тысячи новых синтезированных промышленностью веществ, отсутствовавших в природе, бабочки стали путаться, терять ориентацию, сбивые с толку многообразием новых запахов. Так промышленный переворот привел американских сатурний на грань вымирания.

Их печальную судьбу не разделил только айлантовый шелкопряд, с которого началось наше повествование. Айлантовый шелкопряд — не коренной, стопроцентный «американец», а пришелец из дальних стран. Его родина — Индия и Китай. Давным-давно его привезли из-за моря во Францию, а оттуда — в Филадельфию, на восточное побережье США. Точно известен год появления айлантового шелкопряда в Америке — 1861-й.

Кому и зачем понадобилось везти бабочку в Америку за тридевять земель! Ввезли ее по заказу американских дельцов, и, конечно, не из-за красивых крыльев, а ради выгоды. Американцы давно пытались наладить в своей стране производство шелка. Сначала они завезли всемирно известного производителя шелка — тутового шелкопряда. Но гусеницы тутового шелкопряда едят только листья тутового дерева — шелковицы, а это растение оказалось слишком измененным для снежных зим Атлантического побережья Америки. Тутовому шелкопряду стали искать замену среди бабочек, чьи гусеницы плетут шел-

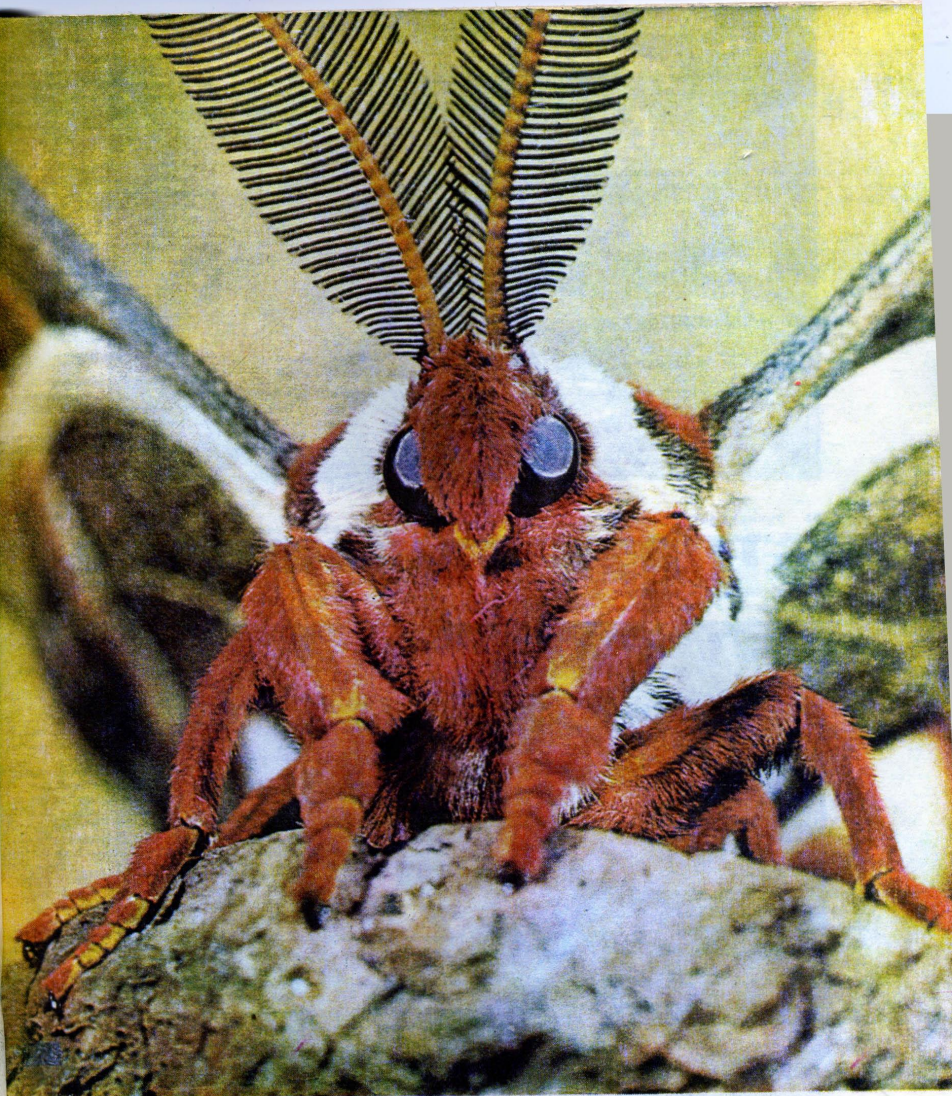
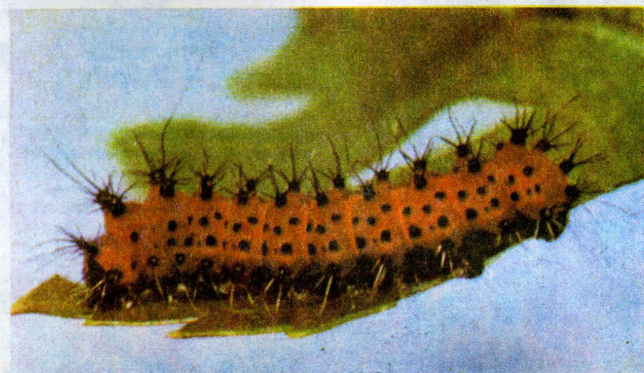
ковые коконы. Остановились на айлантовом шелкопряде. Он гораздо крупнее тутового, и кокон у него внушительных размеров. Можно было ожидать, что айлантовый шелкопряд будет производить намного больше ценного шелка, чем тутовый. Вместе с айлантовым шелкопрядом на американскую землю прибыл айлант — дерево, на котором кормится гусеница. Айлант благополучно пережил холодную зиму, гусеницы усердно жевали листья, а шелководы заранее подсчитывали барыши.

Но айлантовый шелкопряд жестоко обманул их надежды. Кокон у него хоть и велик, но тонкостенный, следовательно, содержит мало шелка. Гусеница тутового шелкопряда прядет кокон из одной шелковинки. Если размотать один кокон, получится нить километровой длины. Гусеница айлантового шелкопряда — менее искусная пряха. Прежде чем сплести кокон, она по многу раз обрывает нить,

а потом кое-как склеивает обрывки. Поэтому и шелк получается непрочный, низкого качества.

В начале нашего века появился искусственный шелк, и опыты с разведением айлантового шелкопряда потеряли смысл. Но неразлучная пара — дерево и бабочка — осталась в Америке и процветает по сей день. Изящные зеленые листья айланта нечувствительны к городской пыли и копоти, и жители больших промышленных городов стали сажать айлантовые деревца в скверах и вдоль дорог. На их листьях кормились крупные зеленые гусеницы брошенного людьми на произвол судьбы и одичавшего айлантового шелкопряда. В дикую природу айлант не проник, поэтому там нет и его извечного спутника — шелкопряда.

Живется бабочке-горожанке неплохо. У нее почти нет врагов — насекомоядные птицы и паразитические насекомые-наездники избегают больших городов. Скажете:

6 но ведь в городе почти нет цветов. А зачем они айлантовому шелкопряду! Эта бабочка не знает, что такое пища. Она живет свой недолгий век за счет веществ, накопленных прожорливой гусеницей. Даже хоботка у сатурний нет.

По ночам айлантовые шелкопряды, мягко шурша бархатными крыльями, роятся вокруг уличных фонарей. Других сатурний свет увлекает в опасные странствия, а для

айлантового шелкопряда он — часть обычного пейзажа. Ведь совсем рядом, под фонарями, растут дающие им жизнь деревья айланта. Бабочкам не надо разыскивать друг друга по запаху — они встречаются на долгих ночных балах с головокружительными танцами под фонарями.

В. Ковалев,
кандидат биологических наук

Встречи с анакондой

Увидев змею, капибары отскочили в сторону и оцепенели.

В этой анаконде было 4 метра 40 сантиметров, и весила она 54 килограмма.

Около десяти лет назад молодой шведский зоолог Ян Линдبلاد, занятый изучением сов, прервал свои научные исследования при Стокгольмском университете, чтобы обратить все силы на борьбу за охрану природы. С детства увлечаясь всевозможными животными, он решил теперь использовать кино и телевидение для страстной защиты шведской фауны и флоры. А как только представилась возможность, расширил поле деятельности, предпринял несколько экспедиций в район Карибского моря и на северо-восток Южной Америки.

Теперь фильмы Яна Линдблада известны далеко за пределами Скандинавии. Кроме фильмов, он создал несколько интересных книг, которые роднят его с Конрадом Лоренцом и Джеральдом Дарреллом. Ян Линдبلاد — пылкий исследователь, обогащающий науку интересными наблюдениями и выводами.

Сегодня мы печатаем главу из книги «Мой зеленый рай», изданной в Стокгольме. Название книги полемическое — область джунглей в бассейне Амазонки часто называют «зеленым адом». Ян Линдبلاد считает ее раем для разных животных и призывает человека не губить этот уникальный уголок природы.

Птичий хор придает весеннему утру особое очарование, так мирно он звучит, хотя на самом деле каждая песней отстаивает права на свою территорию.

Представители разных видов строго по расписанию вступают в предрассветный хор. Так, горихвостка запевает раньше, чем зарянка, голос которой начинает звучать по меньшей мере за час до того, как даст о себе знать первая пеленочка-весничка.

Подобно тому как сове нужен какой-то минимум света, чтобы охотиться, так и дневные птицы должны ясно видеть окружающее, чтобы отважиться петь. Очевидно, их можно расставить по световым ступенькам согласно медленно нарастающей силе света на пороге ночи и дня. Чтобы проследить за стремительным чередованием птичьих голосов и записать их на пленку, я ставил свою палатку на лесных тропинках. Тонкие стены позволяли мне слышать не только ночные и утренние голоса, но и шорохи, по которым можно узнать вышедших на прогулку млекопитающих. Правда, пумы и ягуары меня не навещали, хотя я, судя по всему, работал в их угодьях, и все же каждую ночь выдавались увлекательные часы для любителя распознавать звуки. Заодно я развлекался тем, что дразнил козодоев, сов, тинаму и потто, которым никак не удавалось выяснить, где же прячется «соперник». Порой ответы на мой вызов звучали прямо над палаткой, а красноногий тинаму готов был даже внутрь зайти!

Но, конечно, не все шло гладко. Тысячи помех, которыми всегда полны родные северные леса, — шорох листьев, внезапные порывы ветра, то да се — все это налицо и здесь, в Южной Америке.

Одно из главных прегрешений человечества, от которого особенно страдают любители записывать голоса птиц, — рас-

пространение Галлус domesticiкус везде, где надо и не надо. Уж как портит далекое кукареканье гармоничное многоголосие шведского леса, в южноамериканских джунглях оно и подавно невыносимо режет ухо.

Вот и у нашего славного друга Франсиско был серьезнейший, на мой взгляд, порок. Он держал кур. Петух относился к тем субъектам, которые поют не так красиво, как громко, причем завершающий аккорд звучал особенно невыносимо. Сколько хороших записей было испорчено его неуместными вокальными упражнениями.

В одно прекрасное утро все было как надо. Безветрие, изумительный птичий хор. Запись шла как по маслу. Прошло некоторое время, прежде чем я заметил, что чего-то недостает. Не хватало партии петуха. А когда я через некоторое время вернулся к хижине, оказалось, что сей солист замолчал раз и навсегда. Он лежал неподалеку от жилища, выставив вверх одно крыло под неестественным углом. И вместе с ним лежала завитая в несколько колец анаконда. Наш трубадур, как говорится, отдал богу душу, и, честно говоря, я об этом отнюдь не пожалел. Одной помехой меньше.

Вообще же анаконда зря старалась, заглотать петуха она не смогла, в ней было всего-то немногим больше двух метров. Впрочем, даже у небольших анаконд мышцы достаточно мощные.

Поскольку было совершенно очевидно, что петух не пролезет в змеиную глотку, я вмешался и распутал петли. После чего взял кинокамеру и змею и отправился к обмелевшему ручью. Мне много раз доводилось снимать анаконд и на воде, и под водой, однако я был готов истратить несколько метров пленки на этот красивый экземпляр.

В это утро я еще не успел поздороваться с нашей выдрой, и вскоре она явилась на свидание со мной, громко крича свое «виа». Анаконда лежала на песке, я приготовился снимать, как она с присущим виду изяществом заскользит в воду. Выдра частью плыла, частью скакала вниз по ручью. Но вот она заметила змею и стала приглядываться к ней с разных точек, приближая шаг за шагом. Внезапно анаконда заструилась прямо к выдре. На самом деле целью ее были кусты позади зверька, но тот оказался на пути. Последовал мгновенный выпад змеиной головы. Анаконда чуть не схватила выдру за морду. Пораженная таким оборотом, выдра бросилась наутек.

Крупная анаконда — опасный противник для выдры, мощные мышцы змеи вполне могут придушить четвероногую обитательницу вод. Тем не менее мне приходилось слышать, будто несколько гигантских выдр совместными усилиями способны одолеть даже крупную анаконду.

Случай этот натолкнул меня на одну мысль. Что, если провести эксперимент, свести анаконду с прирученными нами представителями разных видов млекопитающих и посмотреть, как они себя поведут?

Первым подвергся испытанию мой друг ошейниковый пекари. Надо сказать, пекари пользуются недоброй славой, индейцы с великим почтением относятся к его острым клыкам. Куш-куш был главарем нашего маленького зверинца. Он бесцеремонно отнимал еду у других, сам же никому и крошки не уступал. Зарычит, зацокает зубами — не подходи! Этот нахал позволял себе забираться в хижину или на кухню и воровать у нас еду со стола. Чтобы прогнать разбойника, мы вооружались метлой, которой он с детства боялся как огня. Стоило только взмахнуть ею, как пекари обращался в бегство. Правда, я предпочитал другой способ: возьму кусок хлеба и ласково зову: «Куш-куш». И тот послушно семенит за мной.

Куш-куш вообще очень любил меня. И я любил бы его еще сильнее, если бы не запах, а попросту вонь. Стадо пекари распространяет вокруг страшное зловоние.

Когда Куш-куш навещал меня на каком-нибудь из моих постов в лесу, он обычно тыкался мне в ногу своим плоским рылом — «целовал». И замирал в этой позе, пока я, смилостивившись, не принимался почесывать его щетинистую спину. Тотчас спинная железа выделяла жидкость молочного цвета, и Куш-куш, блаженно улыбаясь и скаля свои острейшие желтые клыки, мешком шлепался на землю.

Ошейниковые пекари не столь крупные и агрессивные. Их стада редко превышают

десяток животных. Белобородые пекари покрупнее, и сотенные стада их яростно атакуют любого врага. Они способны даже окружить и разорвать клыками на куски ягуара. Недаром индейцы, услышав характерное хрюканье и стук копыт, спешат залезть на дерево.

А вот, можно сказать, прямо противоположный случай, которого я, наверное, никогда не забуду.

Я возвращался домой после попытки записать на пленку вечерние песнопения ревунов. Иду и свечу туда-сюда фонариком — не сверкнет где глаз млекопитающего? (Сколько раз меня обманывало отражение в глазах... паука!) Мои усилия не пропали даром: из огромного полого ствола поваленного дерева на меня сверкнуло целое созвездие глаз. Что за наваждение... Я осторожно приблизился к отверстию, напоминавшему пушечное жерло. И вдруг, залп! Нет, в самом деле, из этого жерла будто снаряд вырвался: стая животных выскочила наружу и бросилась враспынную, издавая резкие лающие звуки. И напугался же я, волосы дыбом поднялись. В ту же секунду мой нос уловил острый запах пекари. Поваленное дерево служило ночным логовом для ошейниковых пекари.

И теперь, когда я свел нашего Куш-куша с маленькой анакондой, реакция оказалась примерно такой же. Он вздрогнул, на миг замер на месте, весь ошетинился, потом повернулся и бросился бежать через ручей, так что брызги взметнулись стеной. Позднее мне пришлось еще раз наблюдать, что Куш-куш не так уж отважен, когда сталкивается с неизвестностью.

Мы с Дени часто покидали лагерь утром потихоньку, предоставляя Франсиско исполнять роль звериного отчима. А то ведь вся орава увяжется за нами. Между тем, когда снимаешь животных, желательно, чтобы их кругом было не слишком много.

Но Куш-куш не мог долго выносить разлуку с нами. Однажды вечером, когда начало смеркаться и мы уже направились домой, неподалеку вдруг показались пекари. Он явно искал что-то в траве. Вдруг меня осенило: идет на наш запах! И правда, добродушно что-то лопоча на своем языке, ко мне подбежал Куш-куш и ткнулся в колено рылом. Как тут не растрогаться! Весь обратный путь Куш-куш провозжал нас, но почему-то отчаянно трусил. То и дело останавливался, подскакивал, отбегал на несколько шагов и опять прижимался к нашим ногам. Чутье сообщало ему, что место это опасное. И в самом деле, через некоторое время на тропе Франсиско заметил пуму.

Реакция зверей на анаконду занимала меня все больше. Я повторил эксперимент во время очередного посещения ранчо

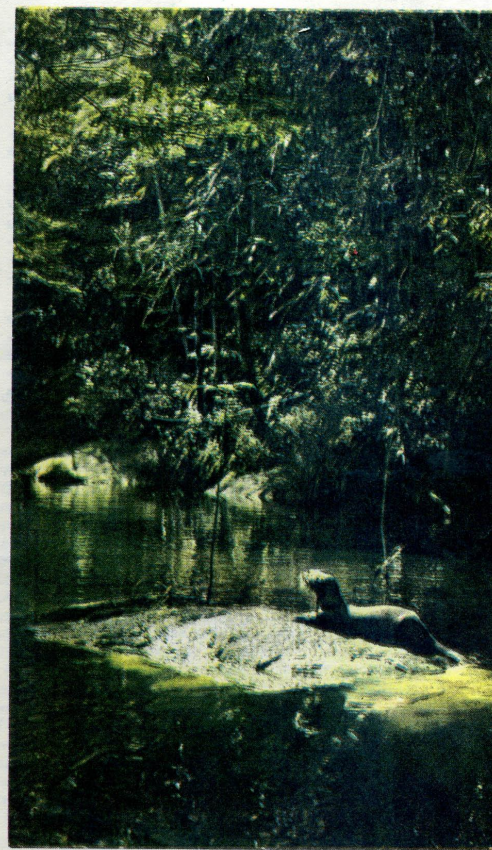
Стенли Брука. Среди подопечных Стенли были четыре представителя одного из самых редких и наименее изученных животных на свете — кустарниковой собаки (вернее было бы назвать ее лесной собакой).

Это совсем маленький зверь, ноги почти как у таксы, голова гненоподобная, с широкой пастью, короткий хвост обычно торчит вверх. Лесную собаку считают родичем африканских и азиатских диких собак. Следовательно, она состоит в родстве и с нашими домашними псами. Все, что написано исследователями о лесной собаке, основано на изучении одного экземпляра в Лондонском зоопарке, да на рассказах индейцев. Сам я не встречался с этими животными в местах их обитания, только однажды видел череп лесной собаки под гнездом гарпии, но индейцы уверяют, будто стаи собак встречаются в саванных лесах и в горных районах. Они немногочисленны и серьезную опасность представляют разве что для мелких броненосцев и водосвинок. Лесные собаки очень живые, почти как наши ласки, и такие же любопытные, если судить по тем, с которыми я познакомился. Собаки устроили настоящие пляски вокруг анаконды. Чуткие, осторожные, все время начеку, они явно были непрочны перейти в атаку, однако это желание так и не выразилось в действии скорее всего потому, что у них не было никакого опыта охоты на анаконду.

Любопытство выдры, паническое бегство пекари, осторожный танец лесных собак вокруг анаконды — три совсем разные формы поведения. Представители трех видов фауны, каждый по-своему, реагировали на один и тот же феномен общей для них среды.

Но всего интереснее было наблюдать встречу анаконды с капибарами.

Снова я поместил главное действующее лицо, двухметровую анаконду, на песчаном берегу и приготовил все для встречи. Дени вел капибар вдоль ручья, и, как только они оказались в пределах слышимости, я выступил в роли крысолова, который, как говорит сказка, играя на флейте, выманил из города всех крыс. Итак, я засвистел наподобие капибары. Тотчас грызуны откликнулись и поспешили на зов. Исполнитель роли злодея находился между ними и мной. То, что последовало дальше, не было для меня неожиданностью. Капибары не проявили агрессивности, как выдра, не бросились наутек, как пекари, не предались осторожному исследованию, как лесные собаки. Проходя мимо змеи, они вдруг заметили ее, отскочили на полшага в сторону и... оцепенели.

Выдра заметила змею и стала приглядываться к ней.

Именно оцепенели. Почти не шевелясь, таращились на змею минуту... две... пять... десять минут. Медленно сели, не отрывая глаз от несимпатичной змеиной головы. Анаконда тоже не трогалась с места. Все застыло. Капибары продолжали глядеть на змею так, словно весь остальной мир перестал для них существовать. Превосходный пример гипнотического действия, приписываемого большим змеям.

Конечно, гипноз тут ни при чем, но я сам не раз наблюдал, что некоторые грызуны впадают в некое оцепенение при

встрече со змеями, особенно с удавами. Слышу, как некоторые читатели — многие! — говорят: «Чепуха!» Но факт от этого не перестает быть фактом. Многократно видел я в террариумах обращенный на рептилию отупелый взгляд грызуна. И если змея голодна, она может не торопясь выходить на исходную позицию. Сама атака, следующая затем, молниеносна. У представителей подсемейства удзвов, к которым относится анаконда, а также у питонов верхнегубные щитки снабжены чувствительными к теплу клетками, и похоже, что атака происходит, когда раздражение терморепцепторов достигает определенного предела.

В эксперименте, поставленном мной, о влиянии обстановки террариума говорить не приходилось, капибары могли в любую минуту уйти. Они не уходили. Они пристально глядели в глаза змеи. И так минута за минутой. В конце концов, все разрешилось самым потешным образом, нашелся рыцарь и на этого дракона.

Капибарам часто докучает насекомое величиной со шмеля. Похоже, оно норовит отложить свои яички в глаза или уши грызунам. Во всяком случае, насекомые эти так и крутятся вокруг, надсадно жужжа. Вот и теперь явился такой мучитель. Но он не стал донимать капибар, а подлетел к свернутой кольцами змее и принялся жужжать над ее ноздрями. Змея терпела-терпела, потом изобразила нечто вроде гримасы, глубоко вздохнула и заскользила прочь, преследуемая маленьким победителем драконов.

Позже я повторил опыт с анакондами и капибарам. Двухметровая змея все равно ведь не смогла бы одолеть и проглотить капибару, и скептик мог бы заявить, что реакция грызунов была не чем иным, как обыкновенным любопытством в отношении странной твари, которая им не была опасна.

И вот три месяца спустя, когда капибары стали постарше, покрупнее, а возможно, и поумнее, в моем распоряжении оказалась только что пойманная анаконда, размеры которой вполне позволяли ей задушить и съест капибару. Правда, она незадолго перед тем перекусила: от того-то и удалось ее поймать. В этой анаконде было четыре метра сорок сантиметров, и весила она пятьдесят четыре килограмма. Самые крупные представители вида превышают в длину восемь метров, но они очень редки. В 1943 году в Колумбии была измерена анаконда длиной 11,3 метра — это рекорд для всех известных змей. Словом, наша анаконда не относилась к настоящим великанам, однако выглядела вполне внушительно. Такая и для человека

представляла опасность. Словом, задуманный нами опыт был довольно рискованным для капибар, но за технику безопасности отвечали пятеро: Франсиско с братом, Дени, индеец-мальчуган и я.

Открыли мы ящик, в котором держали змею, и стали ждать. Прошло некоторое время, наконец медленно-медленно из ящика высунулась змеиная голова. Язык принялся прощупывать воздух, проверяя окружающее на вкус, на запах. Якобсонов орган сообщил, что, кажется, все в порядке. Змея высунулась дальше, дальше. Удивительное это зрелище, когда появляется такая огромная змея. Можно подумать, ей никогда не будет конца. Мускулистое тело скользнуло в воду и остановилось в небольшой заводи почти совсем пересохшего ручья между двумя песчаными отмелями. Анаконда держалась спокойно, можно было приступить к опыту.

Дени поспешил к нашей хижине за капибарам. Змея устроилась поудобнее в заводи, тихие струи гладили ее бок. Наконец Дени окликнул меня, и я начал перебиваться с капибарам. Понятно, анаконда не ведала об этом концерте, у нее ведь нет органа слуха.

Показались капибары, они оживленно сигналили мне. Змея лежала неподвижно, оба грызуна протрусили примерно в метре от ее головы, которая медленно поворачивалась, следя за ними. Внезапно до них дошло, что это за темный ствол лежит. Они твякнули, отскочили в сторону и... остановились. Никуда не стали убегать, а оцепенели, как и в прошлый раз, тарасясь на змею. Потом медленно двинулись к ней. Проследовали вдоль ее тела и снова остановились — перед самой головой анаконды. Словно их заморозили. Глаза устремлены на рептилию, морда отупелая, сонная какая-то.

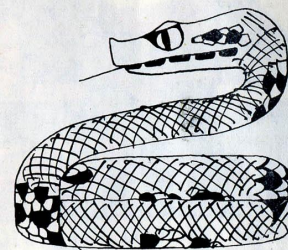
Этакая необычная сцена. Но вот опять зашевелился язык змеи. Затем и тело стонулось с места. Еле заметно анаконда скользила к грызунам, то и дело шупая воздух языком. Камера продолжала стрекотать, но я уже весь напрягся, готовый мгновенно вмешаться, если дело примет скверный оборот. Атака анаконды обернулась бы для одного из наших четвероногих друзей тяжелыми травмами, а то и гибелью. Стоит острым, загнутым назад зубам змеи впиться в добычу, и ее тело тотчас обвивает ее своими петлями, а мышцы неумолимо сокращаются. Я по собственному опыту знаю, что такое каменные объятия анаконды, когда она включает полную мощность. У мускулов удава нет тормозов, они расслабляются постепенно уже после удачной атаки, когда мертвое животное давно лежит бездыханно в змеиных кольцах.

Впрочем, обошлось без моего вмешательства. Анаконда чуть изменила курс и заскользила мимо капибар на более глубокое место.

Сеанс кончился, можно и отпустить змею, но Франсиско, которому пристрастие анаконд к домашним животным было не по душе, никак не одобрял такое соседство. Вон, куры уже лишились главы семейства, как бы змея не переклонила свое внимание на людей. Словом, надо было поймать анаконду и переправить в более подходящее место. Общими силами мы водворили ее в ящик.

Ян Линдبلاد

Перевод со шведского Л. Жданова

ЛЕСНАЯ КОРОЛЕВА

Лето было жаркое, одно спасение в лесу. Мы исходили все тропы леса, что лежит по ту сторону города, где мы живем. Ягод в нем мало, грибов и того меньше, но зато какие птичьи концерты слушали мы, сколько раз встречались с лесными обитателями! Но я не об этом.

За лето мы девять раз встречали змей. Подумать только — девять раз! Осушают болота, а гадюки любят сырые места и бегут все ближе и ближе к городу. Змей в наших лесах превеликое множество. Но умудряются люди не встречать их никогда, а вот мы сталкивались с ними «лицом к лицу». Особенно запомнилась первая встреча. Для меня-то она была первой только в том году, а Лена до того случая только однажды в террариуме Ленинградского зоопарка змеей видела. Маленькая она была, в первый раз я взяла ее так далеко.

Идем мы домой, несем каждая полную заплеченную лисичек. Я — большую, Лена — маленькую. Целый день я предупреждала — смотри под ноги, не наступи на змею. А тут мы идем усталые, забыли обо всем. Вдруг Лена говорит:

— Как я устала — у меня земля под ногами качается. А может, это змея?

Я как глянула — обомлела, успела только за руку дочь схватить, чтобы не двигалась. Змея, просто огромная гадюка, ползла, касаясь брюхом Лениных ног. Нет, она не ползла — она шествовала! Не обращая внимания на нас, гордо подняв точеную головку, она не спеша, очень красиво, как шлейф, изгибая свое разрисованное тело, величественно пересекла дорогу прямо у наших ног. Мы стояли как завороженные и, позабыв страх, с восторгом любовались красотой и гра-

цией этой Лесной Королевы. Да, это была настоящая Лесная Королева, хозяйка леса.

Весь долгий обратный путь у нас только и разговоры были, что о встреченной змее. Как она великолепна и почему не тронула нас. Я всегда говорю, что мы — гости в лесу, хозяева здесь не люди, а животные, деревья, растения. Поэтому и дети относятся с почтением к каждой былинке, каждому муравью, букашке. И знают, только наша неосторожность, невнимательность могут вызвать гнев обитателей леса. Не обрати Лена внимания на гадюку, наступи на нее, показала бы Лесная Королева свою силу.

Дома мы рассказали о своей встрече сыну. Решили назавтра пойти опять на то же место, чтобы в четыре часа дня увидеть Лесную Королеву. Ведь она ходит греться и питаться на горку всегда одной, самой короткой дорогой. Но увидели мы ее рано утром, сразу, как пришли на то место дороги...

Дети разом вскрикнули: «Мама!» Я посмотрела туда же. На дороге лежала Лесная Королева. Только уже не двигалась. Две лежавшие рядом с ней палки рассказали нам все без слов. Одну, обструганную, видимо приготовленную для этой цели заранее, она обвила своим телом. Она боролась за свою жизнь. Но людей было двое, а она одна. И при том нападала-то не она...

Не знаю, вот уже три года прошло, а мы все еще не можем забыть Лесную Королеву, вспоминаем о том случае — и прерывается голос, влажнеют глаза, становится почему-то стыдно. Уж лучше бы отловили ее для извлечения яда — была бы польза многим людям, а так... бессмысленная смерть!

С. Воробьева

**СЕГОДНЯ В КЛУБЕ:
ПОЛУЧАТ ЗАДАНИЕ НОВОСЕЛЫ-ПОЧЕМУЧКИ,
И НЕ ТОЛЬКО ОНИ.**

**ПОЧЕМУЧКИ СДЕЛАЮТ ОТКРЫТИЕ: ЕСТЬ
ТАКАЯ НАУКА — ПАЛИНОЛОГИЯ.**

Новый район! Новостройка. Сколько их в наших городах и поселках. Районы радости, приятных забот и хлопот. Но бывают и досадные огорчения: голый двор, чахлые деревца, вытоптанная трава?

Стоп, Почемучки! Погодите огорчаться. Сначала послушайте, что всем нам скажет Андрей Валентинович Макарушин, а потом продолжим разговор.

Лузон во дворе

Растения не только насыщают воздух кислородом, очищают его от пыли, не только выделяют губительные для микробов фитонциды и снижают го-

родской шум. Они оказывают на нас и эмоциональное воздействие. Мы невольно поддаемся очарованию цветущего луга в пору, предшествующую сенокосу. Но настораживает нас таинственный полумрак густых ельников. Первые весенние цветы вызывают радость, пожелтевшие же листья на деревьях — грусть по уходящему лету, а пустырь, заросший сорной травой, наводит скуку. Растения, как музыка, влияют на наше настроение и вызывают разные чувства. Поэтому далеко не безразлично, какие первые растения мы увидим, выходя из дому на улицу.

Когда говорят об охране природы, обычно подразумевают сохранение редких растений и экзотических животных.

Но ведь большую часть своей жизни мы проводим в городах и поселках. Вот почему не менее важно позаботиться и об окружающих нас деревьях и кустарниках, цветах на газоне. В городах наши дома стоят тесно, один возле другого, поэтому площадки с травой и цветами постоянно вытаптываются.

Почемучки должны взять под свою опеку зеленый наряд газонов и клумб в городах и поселках.

Не всегда нужно навязывать природе городов те растения, которые она отвергает, которые не могут существовать без заботы о них. Почему бы не помочь ей восстановить свое лицо, утраченное по вине человека?

В районах новостроек участки между домами, занятые под газоны, большие, и растения здесь не так жестоко вытаптываются, как в старых кварталах города. Вот почему и ассортимент растений, которые могут расти там без ухода, гораздо шире. Присмотритесь: в городах чаще всего встречаются те травянистые растения, семена которых легко переносятся либо ветром, либо на ногах человека. Многие красиво цветущие растения, украшающие обочины проселочных дорог, которые не очень поддаются вытаптыванию, могли бы расти на газонах, внутри микрорайонов новой застройки. А их нет там лишь потому, что семена не могут туда попасть самостоятельно.

Соберите семена с этих интересных травянистых растений (дикория, дикого горошка, вербейника обыкновенного, пижмы, льнянки и других) и посейте их на газонах между домами. Они очень украсят ваши дворы и улицы.

**А ТЕПЕРЬ ПРОДОЛЖИМ НАШ
РАЗГОВОР.**

**РАЗВЕ УКРАШЕНИЕ СВОЕЙ
УЛИЦЫ, СВОЕГО ДВОРА НЕ ДЕ-
ЛО САМИХ НОВОСЕЛОВ? ВОТ
ПОТОМУ-ТО В КЛУБЕ ПОЧЕМУ-
ЧЕК И ОБЪЯВЛЯЕТСЯ НОВЫЙ
КОНКУРС «МЫ — ХОЗЯЕВА
ДВОРА».**

**К УЧАСТИЮ В КОНКУРСЕ ДО-
ПУСКАЮТСЯ ТОЛЬКО ТЕ, КТО
ПРИНИМАЕТ САМОЕ АКТИВНОЕ**

**УЧАСТИЕ В ОЗЕЛЕНЕНИИ СВОЕ-
ГО ДВОРА, УЛИЦЫ.**

**ПО УСЛОВИЮ КОНКУРСА ЕГО
УЧАСТНИКИ ДОЛЖНЫ ПРИ-
СЛАТЬ В КЛУБ ПОЧЕМУЧЕК
СООБЩЕНИЕ О ТОМ, КАК ОНИ
ОХРАНЯЮТ ПРИРОДУ СВОЕГО
ГОРОДА, ПОСЕЛКА, КАК УКРА-
ШАЮТ СВОИ УЛИЦЫ, ДВОРЫ.**

**УЧАСТВОВАТЬ В КОНКУРСЕ
МОГУТ НЕ ТОЛЬКО НОВОСЕЛЫ.
ХОРОШО, ЕСЛИ БУДУТ ПРИ-
СЛАНЫ ФОТОГРАФИИ, РИ-
СУНКИ.**

**КАЖДОМУ ИЗВЕСТНО: ПРИ-
РОДУ НУЖНО ОХРАНЯТЬ КРУГ-
ЛЫЙ ГОД. ПОЭТОМУ И КОН-
КУРС НАШ ПРОДЛИТСЯ ЦЕ-
ЛЫЙ ГОД.**

**ПОБЕДИТЕЛЕЙ ЖДУТ НА-
ГРАДЫ.**

Рис. В. Карабуга

Сколько ног у многоножки? Наверное, сорок. Ведь их часто сороконожками зовут. Ну пока не будем окончательно утверждать это, послушаем, что скажет по этому поводу Виталий Иванович Русinov.

Как зовут сороконожку?

У сороконожки народились крошки... Кто не читал в детстве этого стихотворения?

С точки зрения поэзии здесь все хорошо. Недаром эта строчка остается в памяти. С точки зрения зоологии поэтесса допустила сразу две неточности. Во-первых, многоножки размножаются, откладывая яйца, а уж потом из них вылупляются многоножечьи крошки — нежные, с мягкими покровами, крохотные и беззащитные создания. А еще у сороконожек (научное название их губоногие многоножки) никогда не бывает... сорок ног. Их или больше, или меньше. А взрослую многоножку с сорока ногами вы не найдете нигде.

Так сколько же ног у многоножки? У взрослых многоножек — косянок и мухоловок — их всегда тридцать, у сколопендровых — сорок две или сорок шесть, а многоножка геофил — рекордсмен по числу ног. У нее их целых триста пятьдесят четыре.

Как только не называют многоножек! Сороконожки, стоножки, тысяченожки! А мы убедились: у взрослой многоножки не бывает ровно сорок ног или сто. Может быть близко к сотне — девяносто восемь или сто две, но ста никогда. Число пар ног у многоножек, как правило, нечетное. Ну а тысяченожек ученые пока не обнаружили.

Чем же примечательны многоножки, кроме того, что обладают таким большим количеством ног? Начнем с тех, у которых число ног близко к сорока. Это сколопендровые. Самая знаменитая многоножка из этой группы — гигантская сколопендра. В длину она достигает едва ли не тридцати сантиметров и, чтобы обеспечить себе сытный обед, свободно может напасть на ящерицу или небольшую птицу. Водится она в тропиках, и туземцы боятся ее в буквальном смысле слова больше самой

ядовитой змеи. Они считают, что укусы ее смертельны, хотя ученые оспаривают это утверждение. На юге европейской части СССР, на Кавказе и в пустынях Средней Азии тоже водятся сколопендры. Они гораздо меньше, но, если такая сколопендра укусит, место укуса сильно опухнет, и опухоль держится несколько дней. Сами сколопендры не нападают на людей. Они, скорее защищаясь, пускают в ход свои ядовитые ногочелюсти. Питаются сколопендры различными беспозвоночными.

Я не находил сколопендру в окрестностях Алма-Аты. Здесь водятся геофилы, косянки и очень редко встречаются многоножки мухоловки. Все они совершенно безобидны.

Губоногих многоножек природа не наделила красотой, но они хищники и приносят большую пользу человеку, уничтожая массу вредных насекомых. Так что, встретите многоножку, не убивайте ее.

Так мы и посчитали ножки животных, у которых их много-много. А теперь об интересном животном — саламандре исполинской и ее любопытных повадках рассказывает директор Московского зоопарка Игорь Петрович Сосновский.

Саламандра исполинская

Не случайно это очень редкое животное называется саламандрой исполинской. Действительно, она гигант среди саламандр, лягушек, жаб, тритонов, амблистом, протеев и других животных, составляющих класс земноводных. Длина ее превышает 160 сантиметров, а вес с доброго поросенка — 30—40 килограммов.

В коллекциях зоопарков СССР такие «поросята» были считанными, редко они встречаются и в биологических музеях. Достаточно сказать, что в Зоологическом музее МГУ имени М. В. Ломоносова всего четыре экспоната.

Обитает исполинская саламандра в центральной части Восточного Китая и в Японии, но встречается сейчас она там очень редко, и есть опасение, что

вскоре она исчезнет полностью. Виновен в этом человек, долгие годы интенсивно истреблявший саламандр ради их вкусного мяса. Попытки японских рыбободов разводить саламандр в искусственных условиях успехом не увенчались.

Исполинские саламандры — неуклюжие животные, с большой головой, короткими лапами и длинным хвостом, сплюснутым по бокам. У них огромная пасть, а глаза очень маленькие, с булавочную головку, и широко расставлены. Сверху саламандры окрашены в темно-серый или черный цвет с крупными темно-серыми пятнами неправильной формы, брюхо темно-серое, с мелкими пятнами.

Исполинские саламандры живут в холодноводных реках, ручьях и горных потоках, придерживаясь заводей, береговых промоин, подводных пещер и речных завалов, слабо освещенных солнцем. Большую часть времени саламандры проводят на дне водоемов, прячась среди камней, затонувших деревьев, растительности или под нависшими подмытыми берегами. Питаются рыбой, земноводными, моллюсками, червями, насекомыми. Едят и мелких грызунов, которые попадают им, видимо, случайно, так как охотятся саламандры только в воде, на берег вылезают крайне редко и лишь после продолжительных ливневых дождей. Свою добычу саламандры не преследуют, а подкарауливают или очень медленно скрадывают, подползая к ней. Приблизившись, саламандра делает резкое движение головой в сторону и хватает добычу мелкими и острыми зубами.

В Московском зоопарке исполинские саламандры жили больше 20 лет. Взрослая саламандра весом в 24 килограмма съедает в среднем за сутки 300—400 граммов разных кормов, но принимает пищу не ежедневно, а с перерывами в 2—4 дня. Почти весь день саламандры проводили на дне бассейнов, лишь периодически поднимались к поверхности воды, чтобы пополнить запасы свежего воздуха. При температуре воды плюс 16—18 градусов животное обновляет запас воздуха через каждые 10—15 минут, а если ее температура не более плюс пяти градусов, то через час.

По суше саламандры передвигаются медленно, нескладно извиваются, как тритоны или аксолотли. Вода их родная стихия, однако пловцы они плохие. Саламандры передвигаются в основном по дну водоемов, переползая с места на место на лапах. Размножаются эти животные, откладывая яйца в

виде бусообразных шнуров в глубокие подводные норы и пещеры.

Как размножаются саламандры в неволе, наблюдать не приходилось. Мы содержали их группами и не ожидали, что животные будут вести себя слишком агрессивно. Но между ними возникали ожесточенные драки. Противники медленно приближались друг к другу, а затем молниеносно набрасывались.

Интересна и еще одна особенность саламандр: их невозможно удержать в руках. Сотрудники зоопарка сравнительно легко справляются с трехметровым крокодилом или удавом, могут прижать их к земле, взять в руки, если нужно оказать ветеринарную помощь, а вот саламандру никак не удержишь, обязательно выскользнет, все ее туловище покрыто слоем слизи.

Почемучки! Вы все, наверное, бывали в зоопарке. Вспомните самый забавный случай про зверей, который вам удалось наблюдать. Свой рассказ пришлите на конкурс «Наш веселый зоопарк».

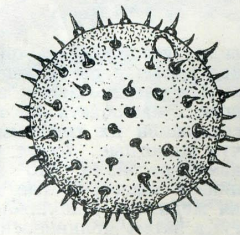
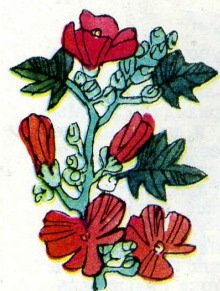
Сколько пыльцевых зерен в ржаном колосе? А в сережке березы? Что это за наука палинология? На все эти вопросы отвечает кандидат географических наук палинолог Раиса Васильевна Федорова.

Этот невидимый мир

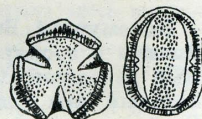
Если вы долго бродите по лугам и полям, на вашей одежде и обуви появляется нежный желтоватый налет, а сорванные цветы могут испачкать и лицо и руки желтоватым тонким порошком. Виновица этого — цветочная пыльца, которая созрела. Встряхнув цветок, вы помогли ей высыпаться.

В цветках растений образуется огромное количество пыльцы, или, как еще говорят, пыльцевых зерен. Один цветок ржи, а их в колосе много, содержит до 60 тысяч, сосна до 6 миллионов и одуванчик до 245 тысяч пыльцевых зерен.

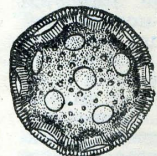
Только очень немного пыльцы расходуется по своему прямому назначению — на опыление растений и продолжение жизни. Основная же масса летит по воздуху и оседает на почве, водоемах, болотах. Пыльца хвойных: ели, сосны и пихты — может улететь очень далеко, потому что у нее есть

Мальва

Василек

Гвоздика

специальные приспособления для полета — два полых воздушных мешка.

Увидеть пыльцу можно только, когда ее много. Отдельные пылинки так малы, что их можно разглядеть лишь под микроскопом. Правда, наиболее из них крупные, размером в 100—200 микрон, с трудом, но можно заметить невооруженным глазом.

У каждого растения своя особая пыльца. Невидимый пылевой мир так же разнообразен, как и мир растений.

Рассматривать и определять пыльцу очень интересно. Одни пылинки снабжены порами и бороздами, у других — шипы и разные выросты, а некоторые напоминают замысловатые ювелирные изделия. Особенно богата украшениями пыльца насекомоопыляемых растений. Все это необходимо ей для того, чтобы, уцепившись за насекомое, перенестись с цветка на цветок. Пыльца растений, которые опыляются с помощью ветра, устроена проще, и оболочка у нее гладкая.

В живой свежей пыльце содержится много питательных веществ. Это очень

хорошо знают пчелы, которые запасают ее и выкармливают молодых пчел и маток. Весной пыльца ранццветущих растений, например ольхи и орешника, сохраняет жизнь многим насекомым.

Но обилие пыльцы в воздухе вызывает особые заболевания. В сенокосное время, в период массового цветения растений, возникают сезонные болезни: сенная лихорадка и заболевания дыхательных путей и глаз. В Средней Азии заболевания учащаются во время цветения хлопчатника, который относится к семейству мальвовых. У пыльцы этих растений оболочка имеет множество крупных шипов. Они ранят и раздражают слизистую оболочку глаза.

Очень интересна судьба пыльцы, которая упала на землю в далекие-далекие времена и сохранилась до наших дней. Она потеряла свое содержимое, но оболочка осталась такой, какой была у свежей пыльцы. Сотни тысячелетий хорошо сохраняется пыльца в торфяных и озерных отложениях.

Ископаемые невидимки помогают ученым нарисовать картины далекого про-

шлого, установить, какая растительность покрывала земную поверхность, какой был климат, дает возможность выяснить условия жизни человека в прошлом.

Верным помощником в поисках следов земледелия является невидимый мир пылинки. Пыльца культурных растений, чаще хлебных злаков, найдена при археологических раскопках каменного века в Прибалтике, на Украине и в других местах.

Пыльцевые анализы показали, что люди давно, еще в каменном веке, начали уничтожать леса. Коренные лесные породы заменялись вторичными: березой, ольхой, орешником. Обычными стали сорные растения: щавель, лебеда, подорожник, крапива, василек.

Многими вопросами занимается наука «палинология». Ее возраст невелик: она ровесница нашему веку. Однако с помощью палинологии уже получены интересные результаты во многих областях исследований, в том числе и для науки, изучающей недра земли, — геологии.

А вот и страничка рыболова. Иван Иванович Решетников сегодня объяснит юным любителям рыбной ловли, кто такой бычок.

Агрессивный гость

Если в реке или озере рыбалка начинается с жадины окуня, то в море с бычка. По ненасытности бычок превосходит любую рыбу. Этот морской пострел везде поспел.

Посмотрите в солнечный день на подводную часть стены мола. Бычки, как ласточки вокруг гнезда, суетятся, снуют всюду. То они карабкаются вверх по стене, то стремглав исчезают в морской пучине. Стоит показаться в воде наживке на крючке, они тут как тут. Тюк! И вот он, первый трофей удильщика: голый, мягкий, почти бескостный, с прироской на груди. Это и есть популярный, всюду известный обжора — бычок.

И каких только видов нет в семействе бычковых: бобырь, губан, песочник, кашник, хляк, кузнец, собачка, черныш, растрепка, горлач, рябой, жаба, зеленчак, петух, сахарник... — всех не перечислять.

Бычок имеет широкую приплюснутую голову, круглое удлинненное тело. Окрасен в темные или темно-бурые тона. Вытащенный из воды меняет окраску и становится голубовато-фиолетовым. Бычок-песочник по длине достигает

20 сантиметров, а бычок-кнут — 30 сантиметров.

Бычки питаются червями, личинками, улитками, моллюсками, креветками, куточками рыб и крабов. Ловят их на донку и поплавочными удочками. В отвес с мола, причала, лодки удобно ловить на мормышку зимней удочкой.

Большинство рыб, выметав икру, не проявляет беспокойства о потомстве. Бычок — исключение. Бычок-отец под камнем мастерит гнездо-ямку, куда самка откладывает икру, и уплывает. Всю заботу о потомстве берет на себя бычок-отец. В течение четырех-пяти недель он самоотверженно охраняет икру, затем личинок и крохотных мальков. Попробуй кто-то напасть! Костями ляжет!

Все это не очень волновало рыболовов, пока бычки жили вдали от Центральной России. Но вот бычок-ротан появился в прудах, озерах и водохранилищах, и тревога охватила рыболовов. Был карась в пруду, появился бычок — карася не стало. Мирно жили в озере карп, лещ, подлещик, но пришел бычок, и вместо увесистых рыб на крючки стали садиться бычки с палец.

Откуда появился этот пират-икрод и стал хозяином чуть ли не во всех мелких водоемах? Работники Московского горветотдела рассказывают, что бычок по прозвищу «ротан-головашка» пришел к нам из Амура. Из аквариумов он перекочевал в водоемы, где повел себя не как гость, а как агрессивный хозяин.

Почемучки продолжают задавать вопросы, спрашивать про все удивительное и непонятное. Жюри отобрало вопросы, которые интересуют многих ребят. Ждем ответов на них.

— Бананы мы пробовали, а как растут, не знаем.

— Что за растение лунник и как оно правильно называется?

— Зачем персику пушок на кожице и почему вишенка гладкая?

— Почему это в самую жаркую жару листочки прохладные?

Итак, место, отведенное в журнале для заседания Клуба Почемучек, мы израсходовали.

Заседание Клуба Почемучек объявляется закрытым. Благодарим любителей за любопытные вопросы. И надеемся, что всем без исключения Почемучкам было сегодня интересно.

Если нет, откровенно напишите — почему?

ПРИКАЗ № 8

по отрядам эстафеты «Зеленый наряд Отчизны»

Десятый этап — «Вырастим парки и рощи ценных пород деревьев!»

Участники эстафеты! Внимательно обследуйте парки, скверы, зеленые массивы. Проведите инвентаризацию — отыщите ценные породы деревьев, летом их легко узнать по листьям. Заметьте, где растут эти деревья, нанесите эти места на карту-схему. Осенью с деревьев соберите семена. Посейте их в своем питомнике или правильно храните их до весны. Выращенные вами сеянцы — будущий посадочный материал для парков и рощ.

Донесения, в которых укажете, какие породы вы обнаружили в своей местности, где они растут, удалось ли вам собрать семена, присылайте в штаб до 25 августа 1976 года. Рапорты о выполнении десятого этапа нашей эстафеты присылайте не позднее 15 декабря 1976 года.

Успехов вам в работе, юные друзья!

**Штаб эстафеты
«Зеленый наряд Отчизны»**

Чтобы вырастить дерево, нужны семена, черенки или корневые отпрыски. Где их достать? Можно, конечно, обратиться с просьбой в местное лесничество или в лесхоз. Но часто лесоводы в своих питомниках выращивают только те древесные породы, которые имеют промышленное значение: сосну, ель, лиственницу, березу, тополь. А если вы захотите вырастить какие-нибудь другие деревья, чтобы украсить городские скверы, парки или пригородные леса, например кедр сибирский, орех, каштан, серебристый клен или плакучую иву, как же тогда быть? Надо хорошенько посмотреть кругом, обследовать старинные парки, усадьбы. Нет ли поблизости ценных и редких деревьев?

Внимательно присмотритесь и к зеленым насаждениям в городах, поселках, садах, палисадниках. Бывает и так: любители-са-

доводы много лет назад вырастили на своем участке деревья ценных пород, а о них никто и не знает. Каждое такое дерево — настоящий клад, ценная находка. Оно может стать родоначальником новой аллеи, рощи. Его дети в местных условиях будут расти лучше, чем саженцы, завезенные издалека. Словом, переходя на деловой язык, хорошо бы провести инвентаризацию ценных деревьев в округе...

Древесные породы размножают по-разному — семенами, черенками, корневыми отпрысками, и у каждой свои особенности: время созревания семян, сроки готовности веток для черенков. Надо знать, с какой породой имеешь дело, суметь определить название дерева. Кто не знаком с сосной, березой, осинкой? А вот сибирский кедр, пожалуй, не все знают. У этого дерева хвоя

треугольная, длиной пять-тринадцать сантиметров, в пучке по пять хвоинок в отличие от сосны обыкновенной, у которой в пучке две хвоинки. Но у некоторых сосен, например у сосны веймутовой, хвоя тоже расположена по пять штук в пучке. Тут уж приходится обратить внимание на побеги. У кедра они желтоватые, покрыты длинными рыжими волосками. И конечно, легко узнать кедр по шишкам. Они опадают вместе с созревшими семенами — орешками.

Ель иногда путают с пихтой. Различают их по коре и хвое. У пихты кора светло-серая, гладкая, тонкая, с множеством смоляных желваков, хвоя плоская, одиночная, мягкая, сверху темно-зеленая, снизу более светлая, с двумя белыми устьичными полосками. У ели же хвоя четырехгранная, сидит на побеге очень густо. Шишки у ели опадают целиком, а у пихты рассыпаются, на ветках остаются лишь стерженьки.

Словом, разных признаков много, и, чтобы рассказать даже о некоторых древесных породах, пришлось бы написать целую книгу. Как же быть, если вы увидите интересное дерево, а определить не сумеете? Можно, конечно, попытаться поработать со справочником, но, если и это не поможет, тогда уж придется обратиться за помощью к учителю биологии или к лесничему.

Чтобы не забыть, где находятся ценные деревья, не потерять их, придется составить такой список, в котором указать название дерева, место, где оно растет, примерный возраст. Хорошо бы на стволы таких деревьев повесить таблички с надписью. Тог-

да уже все поймут, что это дерево ценное, на особом учете и его надо беречь. Если проведете эту важную операцию, сразу станет ясно, какой посадочный материал вы сможете получить у себя на месте.

Но прежде, чем начать работу с какой-нибудь древесной породой, надо хорошо знать все ее особенности и как ее выращивать. Вот, например, сосна. Ее разводят только семенами, которые созревают в шишках в октябре и могут храниться до весны, не теряя всхожести (удобно хранить семена в закупоренной стеклянной бутылке). А семена вяза созревают в конце мая, и сеять их надо сразу после сбора, потому что они очень скоро теряют всхожесть.

Многие породы деревьев и кустарников, у которых семена созревают осенью, — дуб, липа, клен, каштан, орех и другие — дают будущей весной хорошие всходы, если их семена посеять под зиму, вскоре после сбора. Правда, семена дуба, ореха, каштана могут пострадать от морозов, поэтому засеянные грядки приходится прикрывать толстым слоем сухой листвы. Но если отложить посев этих семян до весны, то потребуются стратификация (подготовка к посеву) в промытом речном песке или торфе.

Словом, к этой работе, как и к посеву семян, нужно хорошенько подготовиться, полезно посоветоваться со знающим человеком. Конечно, и наш журнал поможет вам своими советами.

В. Барков

ЛЕТО ПИОНЕРСКОЕ

Часто бывает так: лес вокруг пионерского лагеря с каждым годом становится беднее — затихают голоса птиц, все реже встречаются красивые цветы, все меньше муравьиных холмиков, а сухих деревьев почему-то с каждым годом все прибавляется. Отчего бы так?

Ну, цветы — понятно. Если их рвать охапками, не давая созреть семенам, на другой год, конечно, их уже столько не будет. Стоит поковырять палкой в муравейнике, и нарушится его поверхность, все равно что крышу с дома сорвали, и, когда пойдет дождь, внутрь холмика проникнет сырость. Муравьиные личинки заболеют и погибнут. С птицами тоже понятно. Бывает, ребята ловят птенцов-слетков, вытаптывают и ломают кустарники, где птицы гнездятся, а то и гнезда разрушают. Но почему засыхают большие деревья, в первую очередь ели, ведь их-то, кажется, никто не трогает?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо хорошенько во всем разобраться. Посмотрите вокруг, в лесу под большими деревьями всегда растут кустарники: орешник, крушина, жимолость, бересклет, или совсем маленькие кустарнички — брусника, черника, вереск. Они защищают лесную почву от жаркого солнца и от морозов, да к тому же обогащают ее опавшей листвой, которая вместе с сухой хвоей образует лесную подстилку, прикрывающую корни, буд-то одеялом. Летом она сохраняет в почве влагу, зимой не дает земле глубоко промерзнуть. Если повредить кустарники, удалить подстилку, условия жизни деревьев сразу ухудшаются. А если к тому же не будет в лесу птиц и мура-

вьев, то деревьям совсем плохо придется, некому будет бороться с их заклятыми врагами — вредными насекомыми, которые всегда начеку.

Чтобы лес вокруг лагеря всегда оставался красивым, богатым, надо с ним обращаться бережно, не играть, например, в футбол и другие игры где вздувается, не ломать кустарники и подстилку не вытаптывать.

Иначе можно положить начало лесной беде.

Лесоводы и архитекторы подметили, что даже в самых людных местах можно сохранить лес, если проложить дорожки, по которым удобно гулять, для игр приспособить открытые поляны и лужайки, наметить маршруты для интересных дальних походов, чтобы всем не топтаться на одном месте. Архитекторы и лесоводы так и говорят: если хочешь сберечь лес, организуй его территорию, благоустрой ее, наметь такие места, куда люди вообще бы ни заглядывали. Пусть там останется нетронутой природа, тогда птицы и звери смогут спокойно гнездиться и выращивать свое потомство, а цветы рассеивать семена. В лесу надо иметь такие уголки природы, где для нас будет готовиться чистый воздух, фитонциды, музыка птичьих голосов.

Но ведь само собой ничего не делается. Попробуйте создать в пионерском лагере школьное лесничество. Конечно, назвать его стоит как-то по-другому. Это вы сами придумаете. Работу можно начать с планировки территории вокруг лагеря. Наметьте площадки для игр, проложите прогулочные дорожки. А в самых глухих местах, заросших кустарником, где больше всего гнездятся птиц и бродят лесные жители, устройте уголки тишины и покоя. Это будут

ваши лагерные заказники. Безусловно, все это вы будете делать не одни, а с пионервожатыми и воспитателями.

И помните, если вы хотите гулять в красивом лесу, наслаждаться пением птиц, наблюдать за четвероногими обитателями, любите и охраняйте окружающие вас леса, поля, луга и речки — родную природу!

Советы

Как бороться со слизнями?

Нет, пожалуй, в центральной зоне нашей страны такого сада или огорода, где бы ни водились слизни. Они нападают на все: огурцы, дыни, землянику.

Особенно много бывает слизней в сырое лето в загущенных посадках. Как же бороться с ними в саду?

Я призвал на помощь четвероногих обитателей леса — ежей. Они у меня желанные гости. Для них, начиная с весны и до осени, я наливаю в блюдца немного молока, а в особо жаркие сухие дни воду.

В сумерках, прибежав из леса в сад и выпив молоко или воду, ежи отправляются за добычей. Редкому слизню удастся спрятаться от зорких любопытных глаз колючего зверька.

Но не только ежи борются со слизнями. Зная их привычку прятаться на день, я в разных местах сада раскладываю либо дощечки, либо куски рубероида, а под вечер, когда они еще не вылезли из своих укрытий, поднимаю дощечки и уничтожаю этих вредителей.

Г. Балдин

Дорогие друзья, в июне идет массовый сбор растений-целителей.

Сейчас собирают: ЦВЕТЫ арники горной, ландыша майского, бузины черной, ромашки аптечной, боярышника кроваво-красного, липы сердцелистной, бессмертника;

ЛИСТЬЯ ландыша майского, наперстянки крупноцветковой, дурмана обыкновенного, белены черной, полыни горькой, крапивы двудомной, толокнянки, мать-и-мачехи, трифоли;

ТРАВУ анабазиса безлистного, горицвета (адониса) весеннего, желтушника серого, золототысячника зонтичного, пастушьей сумки, полыни цитварной (сантонинной), сушеницы болотной, тысячелистника, хвоща полевого, душицы, зверобоя, водяного перца, иван-да-марьи, чабреца, череды.

Собранные вами лекарственные растения сдавайте на приемные пункты потребительской кооперации. Работники заготовочных потребительской кооперации могут вас проконсультировать по вопросам техники сбора тех или иных целебных растений, подскажут вам, какие именно растения следует собирать в первую очередь и как их правильно транспортировать и сушить.

Желаем вам успеха!

ЦЕНТРООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

Рис. В. Прокофьева

АЛТУН

— Мяу-ау... у... Мр-р... Мяу-ау... Мр-р... — услышал я сквозь сон на вынужденной стоянке нашего вездехода, застрявшего в ясную лунную ночь в песчано-степном междоумье Бадхызского заповедника.

Спать бы да спать в эти сладкие предутренние часы, но разве уснешь, если с каждой минутой чувствуешь, что мяуканье, временами похожее на какое-то металлическое чирканье, все более и более приближается.

«Кого это нелегкая несет к нам в гости?» — думаю, протирая со сна глаза.

Так и не определив, кому принадлежит таинственное «мяу», бужу своего спутника — зоолога Дурды Дурдыева.

Высунул он голову из вездехода, огляделся по сторонам, вслушался в звуки предрассветной тишины — и бинокль в руки.

— Ты тоже, Михалыч, вооружайся своим, вроде бы гепард объявился.

— Откуда ему взяться? — недоуменно пожал я плечами. — Его в Туркмении уже добрый десяток лет не встречали. Уверен ли ты, что это гепард?

— Абсолютно уверен. Так мяукать может только гепард, когда дает о себе знать. Полагаю, что он сейчас не более чем в сотне метров от нас и, вероятно, поднимается на вершину вон того холма, с противоположной стороны. Замри! Зверь этот, глазастый, напряженный и до предела настроженный.

До боли в глазах всматриваюсь в координаты, указанные Дурды, а у самого на уме: «Поднимется гепард на вершину или нет?» Поднялся! И почти там, где и предполагал Дурды. Ну что за молодчина мой спутник!

— Видишь? — толкнул он меня в бок.

— Угу, — не открывая рта, мотнул я вниз головой, в знак согласия и пожелала себе: «Хотя бы, чертяка, остановился на минутку».

И надо же, словно «по щучьему велению и моему прощению» гепард и впрямь остановился — любуйся! Не был, а сказка прямо! Как тут не полюбоваться, пусть даже и при лунном свете!

Но радость была короткой. Насторожился наш гость, вильнул хвостом — и как и не был. Даже мяукать перестал. Ищи ветра в пустыне!

— Ну все, Михалыч, спектакль окончен! Преждевременно, видимо, записали гепарда в число исчезнувших.

— А может, виденный нами экземпляр просто гость из Ирана или Афганистана?

— И это неплохо, погостит и, глядишь, обратно вернется со своими сородичами,

да не на время, а на постоянное местожительство.

— Вряд ли... — усомнился я.

— Нет, почему же? Дело вполне реальное. В Иране да и в соседнем Афганистане за последние годы сильно уменьшилось количество джейранов — любимой пищи гепардов, а у нас, на Бадхызе, наоборот, заметно возросло. Следовательно, не исключена возможность частичной перекочевки гепардов в наши края. Заграничного паспорта-то им ведь не требуется. Хочется верить, что этот зверь-невидимка будет в Туркмении снова видимым...

— Между прочим, Дурды, — спросил я, — ты когда-либо видел сам гепарда на воле? Он же ведь весьма редкостный и скрытный зверь, избегающий встреч с человеком, его, как известно, не всегда удавалось увидеть даже опытным охотникам.

— Это верно, но я все же видел и скажу более: однажды держал у себя прирученного гепарда. — И Дурды поведал мне такую историю: — Весной тридцать восьмого года это было... Пас я тогда на Бадхызе вместе со своим дедушкой и другими двумя чабанами колхозную отару. И вот как-то нашел в саванне какого-то, еле живого зверька. Приняв его за шакаленка, брошенного своей матерью, и, подумав: «Подохнет же!», принес на показ дедушке.

«Вай, вай, Дурды, — ахнул он, поглядывая на мою находку. — Да разве это шакаленок? Это скорее шайтаненок, чем шакаленок. Посмотри-ка, какое у этого чудика обличье: не то шенячье, не то кошачье, только рогов не хватает. Недобрая находка твоя. Выбрось-ка, внучек, это не разбери-поймешь какое существо».

Я, вероятно, и выбросил бы, если, на мое счастье, в эти минуты не подъехал к нашей юрте верхом один друг-приятель дедушки, заядлый охотник.

«Что это за зверек? — спросил я его. — Дедушка говорит, что шайтаненок. Правда ли?»

Повертел он мою находку в руках и рассмехался.

«Это же гепарденочка-самочка, зверь, цены которому нет! Это же алтун!»

«Алтун» значит «золото». Понравилось мне это слово, и дал я такую кличку моему найденышу.

Так очутился у меня гепарденочка. Отпоял я его овечьим молоком, а тут как раз у

Записки
натуральника

нас на пастбище оценилась одна овчарка. Из двух ее щенят один сдох, ну и подложили мы с дедом к ней Алтун. Обнюхала ее овчарка, зарычала. Погладили мы ее, приласкали. Успокоилась, допустила Алтун пососать. Алтун сладко зачмокала, засопела от удовольствия и, наевшись, заснула у теплого брюха собаки, рядом с ее кровным щенком.

Все шло хорошо. Алтун росла, бегала по чабаньей стоянке, играла с молочным братом. Овчарка облизывала ее с такой же заботливостью, как и родного щенка.

Месяца через два щенка подарили чабанам соседней отары. Всю свою материнскую любовь овчарка тогда перенесла на Алтун. Ее заботы о ней были трогательны. Понимала ли она, что он чужой? Эта собачья тайна и поныне для меня осталась загадкой, которую она унесла с собой в небытие, так как вскоре ее в саванне разорвали волки.

Но Алтун выжила и на пастбище ревнилась и играла вместе с другими овчарками. Самое же интересное — ни одна из них даже не пыталась ее обижать, ибо Алтун быстро отучила их от этого мощными ударами своих лап и крайней сметливостью. В случае опасности запросто убегала от них, да так, что вся собачья свора не могла догнать ее. Впрочем, и сама Алтун была не прочь погоняться за собаками и не на шутку поугать их. Пугала она и овец, но не тронула ни одной.

Меня, должен сказать, Алтун чрезвычайно обожала и безотказно во всем слушалась. Всех людей, однако, она долгое время дичилась, и в мое отсутствие никто

из чабанов не осмеливался даже ее погладить. Никакой еды из чужих рук не брала. Встречаясь с ее пристальным взглядом прищуренных золотистых глаз под тяжелыми надбровьями, люди стремились поскорее отойти от нее: «Зверь все-таки! Поди угадай, что у нее на уме!..» Все, конечно, были убеждены, что Алтун не укусит, и все же побаивались. И не мудрено: никто и никогда раньше не видел дикого гепарда, не знал его повадок. Не случайно же мой родной дед принял Алтун, еще крошечной, за существо «не разбери-поймешь».

Алтун подрастала и все сильнее удивляла меня своим внешним кошачье-собачьим видом. Глянешь на ее небольшую головку с маленькими ушками, кошачьими усами, золотисто-зеленоватыми глазами — ну кошка кошкой. И чистоплотная, как домашняя Мурка: вылизывала ежедневно до блеска свою желто-песчаную шкуру со сплошными черными пятнами, отсутствующими лишь на брюхе. Лапы были тоже как у кошки — конечно, только соответственно крупнее и с неубирающимися внутрь когтями.

А посмотрит, бывало, на длину туловища и высокие стройные ноги, ничего кошачьего: настоящая борзая собака с длинным, прямо-таки тигринным хвостом. Да и манеры по-собачьи решительны и резковаты. Когда я впервые увидел Алтун на охоте, в погоне за быстрогом джейраном, то у меня дыхание от восхищения перехватывало. Еще бы! Ведь не успел я со своими друзьями по охоте и коней понастоящему разогнать, а она уже настигла свою добычу.

Поначалу мы подумали, что пойманный ею джейран был кем-то подранен и не смог убежать. При осмотре же выяснилось, что джейран был вполне здоров, значит, Алтун так быстро бегала.

— Сколько же времени она прожила под твоей опекой? — спросил я Дурды. — Три года? Не так уж и много. Продад, что ли, или подарила кому-нибудь перед уходом на фронт?

— Ни то и ни другое, — вздохнул Дурды. — Она еще до моего призыва в армию вышла «замуж», отыскав где-то в саванне себе подобного «жениха», не побрегавшего запахами овечьей отары, которыми пропиталась на пастбище его невеста. Она снова появилась осенью того же года вблизи нашего пастбища.

— Даже так! — удивился я. — Обрадовался, наверно.

— Пожалуй, больше огорчился. Уж лучше бы и не показывалась на глаза, да еще с тремя детенышами.

— Почему же?

— Во-первых, потому, что ее кутяток-котятки видели-то только другие чабаны, а не я сам, а во-вторых, она успела изрядно позабыть о всем хорошем, что было в ее трехлетней жизни у меня. Когда я пришел к месту, где ее видели, и начал звать, она затанцевала и долго не осмеливалась показаться. Решив, что меня чабаны разыграли, направилась было восвояси, раздосадованный, злой...

Иду и вдруг чувствую, что меня вроде бы кто-то взглядом в спину сверлит. Оглянулся, и сердце от радости кровью облилось: она! Приятно одна: потомство свое, вероятно, где-то припрятала.

«Алтун! Алтун!» — радостно закричал и захопал себе по коленям, как, бывало, прежде.

Смотрю, ни с места. Лишь внимательно впирается в меня глазами, словно бы размышляя: «Он или не он?»

«Это я, Алтун! Иль не узнаешь?»

А она стоит, как и стояла. Тогда я сам сделал шаг пять ей навстречу. И — о счастье! — вижу, хвостом вишь-вишь, потом на брюхо легла, потихоньку поглазла ко мне, а сама: «Мяу-мяу! Прости, мол, хозяин, беглянку!»

Сколько времени продолжалось мое ликование, уж и не знаю, часов у меня в те времена не было, однако вдруг почувствовал, как ее тело ни с того ни с сего неожиданно вздрогнуло, уши насторожились, а взгляд впился куда-то в даль саванны.

И тут вдруг слышу — ветерок был в нашу сторону — жалобное помяукивание. Ага, все понятно! Ее кутятки-котятки волнуются. А котячье помяукивание стало повторяться все более настойчивее. Смотрю: вскочила моя Алтун на ноги и как сума-

шедшая помчалась в сторону, откуда доносилось помяукивание.

Сижу и жду: вернется с ними ко мне или нет? Не вернулась!

— А вообще-то после разлуки с Алтун ты встречал когда-либо еще гепардов? — поинтересовался я.

— По существу, нет, если не считать однажды слышанного в саванне голоса ге-

парда. Да вот сейчас вместе с тобой еще мельком увидел.

Когда развиднелось, мы отправились на вершину соседнего холма, чтобы отыскать следы ночного гостя, разбудившего нас на вынужденной стоянке вездехода. И нашли!

— Ишь ты, совсем еще свеженькие, а на песке как только что отпечатанные! — удивилась Дурды.

Не меньше, чем он, и я сам был доволен этим событием. Еще бы! Гепард-то, оказывается, обитает еще на Бадхызе. А здешний житель он или иностранец — это уж не столь важно. Главное есть! Существует!

И. Ракитин

САНАТОРИЙ В ПОДНЕБЕСЬЕ

Далеко, за южной окраиной Дилижана, за Головино, среди непроходимых лесов, горных круч, у самого поднебесья притаились едва сохранившиеся руины трех деревень, заброшенных тысячелетия назад. Эта местность называется Свинойхой. Спят эти деревни мертвым сном, упрямые от глаз человеческих непроходимыми лесами. Но дороги, которые когда-то соединяли между собой все три деревни, сохранились. Олени, волки, дикие кабаны, медведи, лисы — безраздельные хозяева этих дорог летом и зимой.

Наш лесной домик расположен на маленькой поляне у самого обрыва, вблизи одной из достопримечательных деревень. Как-то явился к нам Иван, человек весьма почтенный, известный в Дилижане удачной охотой на медведей и волков.

— Арутюн, плоха стала моя Джейран, хочу пустить ее на свободу, пусть погуляет, полечится как сама умеет, силы наберется, — обратился он к отцу, повесив на сук грабового дерева свое бывалое в переделках старинное ружье.

— Неудачное время ты выбрал, Иван, волков здесь в этом году рыщет видимо-невидимо, задерут они твою Джейран, — возражал ему отец.

— А что же делать? Ведь именно здесь настоящий санаторий для лошадей, тут она поправится. А от волков я задумал Джейран не одну пустить, а с жеребенком.

— Возможно, это ее спасет, — соглашался отец, но, немного подумав, добавил: — Но только вряд ли.

Как бы то ни было, Джейран с жеребенком поселилась в свинойхойских лесах, и мы нет-нет да и встречали их, как-то удачно обходивших волчий стан.

С тех пор прошел месяц или полтора, и мы вновь увидели Джейран с жеребенком.

— Сказал ведь, к добру не приведет твою затыка, — говорил отец, указывая на глубокие раны на бедрах жеребенка: то ли следы клыков, то ли волчьих когтей. — Ты только посмотри, что они сделали с бедной скотиной.

— А не хочешь ли ты, Арутюн, посмотреть, что Джейран натворила? — И с этими словами повел нас в глубь леса.

Когда мы осмотрели местность, где происходило сражение, были поражены грандиозностью боя. Сколько времени он продолжался, сколько было волков, никто не знает. Но на обширной территории сломаны и смяты кусты, выдрана земля. Иван ведет нас дальше, в глубь леса: там лежит изуродованный, искалеченный матерый волк, волчий вожак. Особенно безжалостно разбита у него пасть.

Вся эта картина невольно вселяла в нас большое уважение к Джейран, и как-то неудобно было называть ее кобылой. Мы понимали, если бы не жеребенок, то от Джейран не сохранились бы даже кости.

Жеребенок, весь в глубоких ранах, шустро поглядывал на нас своими симпатичными глазами, вел себя так, будто и не ранен совсем и не думает погибать. Иван забрал их домой.

На другое лето мы встретили Ивана на прекрасном коне Джалаали. Это был тот жеребенок, что прошел суровую школу испытаний.

В. Шаумян

ЗАЯЧЬИ ХОРОМЫ

Был вечер, и по зеленому склону Печеньги катилось к реке закатное солнце. В его красных лучах клеверище было похоже на аккуратно разостланный бархат. По бархату шел трактор с косилкой. Алексей, высунувшись из дверцы, курил. И вдруг увидел, как из-под самых ножей выпрыгнули комочки. «Зайцы!» — дрогнуло сердце, и Алексей Попов схватился рукой за рычаг. Зайцы скакали по колючей щетине поля. Заячиха и следом за ней три малыша. Четвертый малыш тоже было прыгнул за ними, но вдруг по-ребячьи испуганно взвизгнул и сунулся мордочкой в землю. «Задело его! Ох ты беда!» — огорчился механизатор.

Он поднял зайчонка. Тот, мелко дрожа усами, засунул лапками и затих. «Отпустить его, что ли?» — подумал и понял, что этого делать нельзя. Отпустить малыша — значит отдать его в когти сыча или

в лапы лисицы. Алексей взял зайчонка домой. В этот же вечер из струганых досок построил зайчий дом.

Зажил зайчонко без мамы. Охотников напоить его молоком, накормить капустным листом, ягодой и морковкой больше, нежели надо. Дети Алексея: Сережа, Валя, Оля и Надя — утром, в полдень и вечером навещают его. Заячонко к ним привык, не отскакивает от дверцы, принимает еду прямо из рук. Только ночью косому плохо: боится глазастых котов и ворчащей собаки Дамки.

Хорошо бывает зайчонку, когда дверцу его хором открывает хозяин. Алексей несет длинноухого к дровянику, отпускает его на траву: мол, скажи, дружок на свободу! Но дружок еще мал, не окреп и боится свободы, потому что в ней чуется много странного и опасного, непонятного и чужого. Он жмется к рукам Алексея, крутит круглым хвостом и стрекочет усами в сторону леса: дескать, очень хочу я туда, да не знаю, найду ли я там для себя защиту.

— Ну что ж, дружок, дело твоё, — говорит Алексей косому, сажая его в деревянную клетку, — а завтра снова пойдешь гулять.

С. Багров

РАННИМ УТРОМ

В лес я пришел на рассвете. Сюда навещался частенько за грибами и ягодами и знал чуть ли не каждый уголок. Но в это туманное утро лес мне показался совершенно незнакомым. Солнце сияло пробиться к земле сквозь плотную молочную завесу. А туман не рассеивался, вступил в единоборство со светилом. Росинки унижали сплошь тончайшие нити паутины, точно пробуя их прочность и подчеркивая удивительно правильный геометрический рисунок. Вот показалась вывороченная бурей ель, свалившаяся поперек заросшей лесной дорожки, которой давно никто не пользовался. Широочное основание ели, сплетенное из корней, на этот раз представило мне громадным силуэтом медведя.

Вышел на приметную лужайку и заметил какой-то темный бугорок. Раньше его здесь не было. Приблизился к нему. Бугорком оказалась лежавшая на траве лошадь. Она вскинула гривастую голову и настороженно повела ушами. В ее лиловых глазах угадывалась мольба.

«Уж не сломала ли ногу?» — встревожился я. Сделал еще один шаг к лошади и раздвинул возле нее маленького теленка жеребенка.

Лошонок! Чувство великой радости охватывало меня. Но радость сразу смени-

лась тревогой за только что появившееся на свет живое существо. Мать почувствовала, что ее детенышу не угрожает опасность, и принялась старательно облизывать малыша. Жеребенок зашевелился, вытянул свои длинные ножки-жердочки и уткнулся мордочкой в живот матери.

«На обратном пути надо сообщить коныуху, а то он, вероятно, ищет кобылицу», — решил я и пошagal дальше к своему заветному грибному месту.

Справа от меня громко хрустнула ветка. Я вздрогнул от неожиданности. Но хруст не повторился. Наверное, зайчишка крепко уснул на зорьке. Да вот все-таки учуял меня сквозь сон и как ошалелый кинулся наутек.

Под напором солнечных лучей туман заметно редел. Все явственнее проступали медные стволы сосен, пирамиды елей и грациозные деревья можжевельника. За просеккой на изумрудной поверхности мха блестящие облитые росой пунцовые и золотистые зонтики и воронки сыроежек. А молодые грибки чуть высунули свои округлые шляпки из мха. Казалось, что кто-то разбросал мелкие помидоры и сваренные желтки. Сыроежки я срзал под корешок и складывал в корзину. Попадались сообщества лисичек и кирпичных молочаев. Пока дошел до заветной опушки — цели моего похода, набрал почти полную корзину сыроежек и лисичек. А на опушке вдоль канавы меня дожидались в ярких оранжевых шляпах величественные подосиновники, а в черных нахлбученных шапках — крепыши боровики. Пришлось сыроежки и лисички ссыпать в полиэтиленовый мешочек, освободив корзину для грибной знати. Больше часа бродил я по опушке, пока не набрал полную корзину подосиновиков, подберезовиков и белых грибов.

Возвращался прежним путем. Заглянул и на лужайку, чтобы узнать, как обстоят дела у роженицы. Лошадь стояла, отгоняя хвостом сленней и комаров от прижавшегося к ней малыша. Он еще был слаб и еле держался на растопыренных ножках, которые словно прилипли к смоле. Лошадь подозрительно покосилась на меня, но, признав во мне старого знакомого, успокоилась.

О. Чистовский

Про мухоловку - пеструшку

Рис. В. Федотова

Самцы маленькой мухоловки-пеструшки прилетают с юга на неделю раньше самок: разыскивают уютное дупло или небольшой синичник и начинают петь около него. Скромную песенку черно-белого самца можно передать словами так: «три-три-три-крути-крути» или «три-три-три-четыре-четыре». Отдельные колена этой песенки птицы переставляют по-разному. И так с рассвета до темна солирует самец.

Поют они не для развлечения, а по очень важным причинам.

Первая из них — сигнал самочке. Она прекрасно различает среди лесного шума песню самца своего вида и подлетает к нему. Но предстоит еще свадебный ритуал. Невеста показывает на глаза жениху на самое короткое

время и, убедившись, что ее заметили, улетает прочь. Прием, конечно, очень коварный, но это первое испытание самцу. На домовитость. Если он вдруг полетит за самочкой, значит, не выдержал испытания и свадьбе не быть. По правилам самец должен вернуться к своему синичнику и петь, петь, петь, сидя на крыше или на ветке у самого летка. Он как бы показывает этим, что родной дом для него дороже всего.

Конечно, самочка возвращается и усаживается на ветку невдалеке. Теперь по ритуалу самец должен показать своей подруге, какой он выбрал синичник, хотя она и сама его отлично видит. Жених суетится, щебечет по-особенному, всячески показывает ей, как в него проникнуть и как прекрасен их дом.

И вот она уже внутри синичника. Если он действительно хорош, пара сошлась. Значит, самочка выбирает не красивого самца, не голосистого певца, а хорошую квартиру.

Однажды мне случилось встретить самца мухоловки-пеструшки, который остался холостым. Он пел около самого нашего дома, и я слышал его каждое утро. Пел неделю, пел две. У других пеструшек были уже яйца в гнездах, а кое-где даже птенцы, а этот все пел и явно не нашел себе пары. Вдруг я заметил, как он просовывает голову между стволами сосны-двоешки. Я осмотрел это место на дереве. Здесь было крошечное дуплышко, в котором не только гнездо, палец мой едва помещался. Наверное, сюда прилетали самочки, привлеченные его звонким голосом (певец он был хороший), но ведь в свадебный обряд входит осмотр жилища, а осматривать-то было нечего.

Но вот в синичнике на основании из прошлогодних осиновых листиков построено гнездо из травинки с кусочками тоненькой, как папиросная бумага, бересты или чешуек с веточек сосны. Городским пеструшкам такого материала взять негде, и они заменяют его, собирая автобусные, трамвайные билеты или просто клочки газетной бумаги. Вот уже отложены шесть светло-голубых маленьких яиц, в день по одному, и самочка усердно насиживает их. А самец все поет, не так много, но все же поет. Теперь-то зачем им песня?

А теперь, оказывается, нужно охранять гнездовой участок — метров по десять в стороны от гнезда. Другой самец-мухолов услышит песню и облетит это место стороной — раз занято, нужно искать свободное. Самцы в эту пору почти никогда не дерутся, здесь право первого, право хозяина, и ему всякий пришелец уступает.

Пеструшки удивительно доверчивые птицы. У нас на биостанции был такой случай. Юннат осматривал синичники в лесу: кто в них поселился. В одном насиживала самка пеструшки. А нужно узнать, сколько в гнезде яиц. Юннат постучал по синичнику легонько. Сидит. Постучал сильнее — все сидит. Тогда он запустил руку в синичник, взял птицу, осторожно вынул, сосчитал, сколько под ней яиц, и посадил наседку обратно. Закрыв крышку и пошел дальше. Мы его, конечно, поругали за такое обращение с птицей, но все обошлось благополучно, птенцы вывелись, выросли, вылетели из гнезда.

Первые дни маленьких птенцов самка не столько кормит, сколько греет.

Птенцы крошечные, остались одни и заохлодели, стали как мертвые. Отогреет их самка — опять живые и тянут головы с огромными ртами на тонких шейках, просят есть. Это все, что они пока умеют делать. Но когда подрастут, становятся очень прожорливыми.

Встречаются, правда, ленивые птицы, чаще это бывают самцы, которые лишь изредка носят корм, возлагая всю заботу о потомстве на свою подругу. Но беда, когда оба родителя оказываются ленивыми: птенцы голодают. Такое редко, но бывает. Была у нас на биологической станции одна такая пара. Самочка любила сидеть невдалеке от гнезда и чистить перышки, самец пел, а птенцы пицали от голода. Иногда самец подлетал к самке и прогонял ее с ветки, чтобы летела за добычей, а сам все распевал. Хорошо еще, что в гнезде было всего четыре птенчика, и они, хоть и жили впроголодь, все же выросли.

Осенний отлет пеструшек проходит совсем незаметно. Уже в августе трудно встретить в лесу этих птичек, они рано отбывают: им предстоит совершить огромный путь. К декабрю наши подмосковные пеструшки долетают до Италии и Испании. Раньше думали, что здесь они и зимуют, но вдруг были обнаружены пеструшки в Центральной Африке, это были птицы, судя по кольцам, гнездившиеся в Восточной Европе. По-видимому, с августа по апрель пеструшки находятся в непрерывном передвижении, сначала на юг, потом на север. Замечательно, что они при этом не возвращаются домой старыми путями. Подмосковные птицы летят домой уже через Балканский полуостров, завершая таким образом огромное кольцо вокруг Европы и половины Африки.

Мухоловка-пеструшка — самый частый, самый обычный обитатель синичников в средней полосе страны.

Привлечь эту милую птицу можно в городской парк, на бульвар, во двор, в плодовый сад и, уж конечно, в лес. Домик нужен маленький. Дно — 10 × 10 сантиметров. Глубина (от низа летка до дна) — 10—12 сантиметров.

Мы не рассказали, каких именно насекомых ловит мухоловка-пеструшка для своих птенцов. Это вы можете выяснить сами. Пеструшка легко привыкает к тому, что в десятке метров от гнезда сидит наблюдатель, и не пугаясь, продолжает кормить птенцов. Вот тут-то и нужно посмотреть, что носят родители своему прожорливому семейству, и посчитать с часами в руках, сколько раз прилетают они с тем или иным кормом.

К. Благосклонов

«ЛЕТО»

Жоржета Фокша,
г. Кишинев

НАША ОБЛОЖКА:

У черно-красной бабочки гипокриты из семейства медведиц гусеница кормится листьями сорного растения крестовника. Последние годы этот сорняк широко распространился в Северной Америке. Для борьбы с ним пришлось специально ввозить из Европы куколок гипокриты. Бабочка благополучно перенесла путешествие и теперь обитает по обе стороны Атлантического океана (первая страница обложки).

На четвертой странице обложки — щенки пиренейской овчарки.

В номере использованы фото из журналов «La vie des Bêtes» и «Natural History».

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Горны зовут в поход	1	В. Ковалев. Полночный балет сатурний	26
В. Строков. Не вслуни зарянку	5	Ян Линдبلاد. Встречи с анакондой	32
И. Пономарев. Страна сорока Енисеев	10	Клуб Почемучек	38
Лесная газета	16	Зеленый наряд Отчизны	44
В. Машкин, Н. Носкова. Грызуны высокогорья	22	Лето пионерское	46
		Записки натуралиста	49
		К. Благосклонов. Про мухоловку-пеструшку	54

ТЕЛ. 251-15-00
об. 4-80

Редколлегия: Виноградов А. А., Корчагина В. А., Кдумов С. К., Маслов А. П., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чашарин Б. А. (ответственный секретарь), Шукин С. В., Ярлыкапов А. Б.

Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор Т. А. Кулагина
Рукописи и фото не возвращаются.

Сдано в набор 2/IV 1976 г. Подписано к печати 7/IV 1976 г. А07294. Формат 70×100^{1/16}. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 600 000 экз. Заказ 575. Цена 20 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, ГСП-4, Сузьевская, 21.

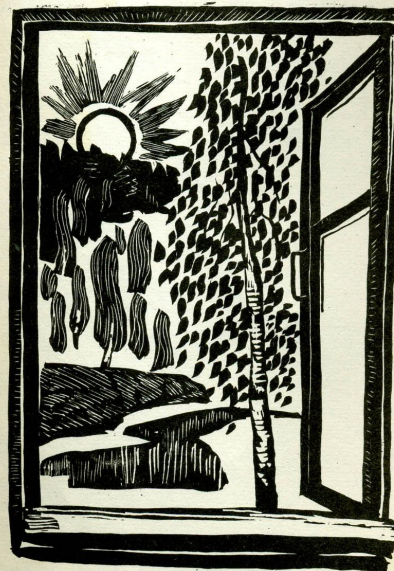
ВЫСТАВКА СОБАК

Огромная собачина
На поводке сидит.
Огромная собачина
На выставку глядит.
Такую бы собачину
Нам дома занять,
Но только очень страшная,
Большая, как медведь.

Москва

Юля Васильева,

ВСТРЕЧАЯ ЗАРЮ

Вот солнечный лучик в окно
заглянул,
Вскочил на кровать, озорно
подмигнул:

«Давай же вставай, я тебе говорю,
Скорей побежали, пропустим зарю».
И вот я бегу по тропинке в лесу,
А солнечный лучик в ладошке несу.
И все просыпается сразу вокруг:
Прохладный родник, и тропинка,

и луг.
Проснулись зайчата, бельчата, ежи,
Вороны, сороки, кукушки, стрижи.
Из чащи выходит навстречу мне
лось...
Так летнее утро в лесу началось.

Москва

Елена Туркина,

Индекс 71121
20 коп.

